

WOODROW WILSON INTERNATIONAL CENTER FOR SCHOLARS

Woodrow Wilson
International Center
for Scholars

Lee H. Hamilton,
Director

The KGB in Afghanistan

Christian Ostermann,
Director

-- Russian Edition --

BOARD OF TRUSTEES:

Joseph A. Cari, Jr.,
Chairman
Steven Alan Bennett,
Vice Chairman

Vasiliy Mitrokhin

ADVISORY COMMITTEE:

William Taubman
(Amherst College)
Chairman

PUBLIC MEMBERS

The Secretary of State
Colin Powell;
The Librarian of
Congress
James H. Billington;
The Archivist of the
United States
John W. Carlin;
The Chairman of the
National Endowment
for the Humanities
Bruce Cole;
The Secretary of the
Smithsonian Institution
Lawrence M. Small;
The Secretary of
Education
Roderick R. Paige;
The Secretary of Health
& Human Services
Tommy G. Thompson;

Michael Beschloss
(Historian, Author)

James H. Billington
(Librarian of Congress)

Warren I. Cohen
(University of Maryland-
Baltimore)

John Lewis Gaddis
(Yale University)

James Hershberg
(The George Washington
University)

Samuel F. Wells, Jr.
(Woodrow Wilson
Center)

PRIVATE MEMBERS

Carol Cartwright,
John H. Foster,
Jean L. Hennessey,
Daniel L. Lamaute,
Doris O. Mausui,
Thomas R. Reedy,
Nancy M. Zirkin

Washington, D.C.

July 2002

Sharon Wolchik
(The George Washington
University)

COLD WAR INTERNATIONAL HISTORY PROJECT

Author's Dedication to the Russian Edition

Посвяще ние

Не забывать страдания солдатских матерей,
жизнь сыновей которых загублена и
искалечена властью юзая

Митрохин

НИХОВ ТИМ

КАЯН А

Палка

1987 год

ПО СЛЕДАМ СКВЕРЫ

АФГАНИСТАН

1987 ГОД

ОГЛАВЛЕНИЕ

Основание партии	I- 5
Апрельский переворот	6 -18
Сентябрьский переворот	19-44
Декабрьский переворот	45- 65
Нашествие	66- 74
Распри	75- 82
Детище	83- 91
Враг номер один	92- 105
Приложение № 1	106-110
Приложение № 2	111-112
Приложение № 3	113-138

ОСНОВАНИЕ ПАРТИИ

Афганистан занимает важное стратегическое положение. На большом протяжении примыкает к границе Советского Союза. В прошлом рубежи обоих государств были открыты, население общалось друг с другом свободно. С организацией большевистских порядков в Средней Азии вольготностям положен конец, открытые противники вытеснены в соседний Афганистан. Из спасшихся от репрессий таджиков, узбеков, туркмен, киргизов потомки составляют теперь там до 750 тысяч человек.

Афганистан первая страна, признавшая новый режим в России, традиционно дружественная. Влияние СССР на все стороны жизни в стране велико. Ни короли, ни Дауд не делали ничего серьёзного без оглядки на северного гиганта, без учёта его интересов. После установления республиканского правления Афганистан продолжал установившийся курс балансирования между Востоком и Западом, не изменил благожелательного расположения к своему соседу.

Но как только Дауд задумал создать свою политическую партию, КГБ усмотрел в этом намерении угрозу для коммунистов, так как не исключал, что по примеру Ирана может запретить другие политические группировки. Чека внимательно следила за действиями правительства, препятствовало сближению с другими странами. В частности, чека притиводействовало желанию Ирана построить в Афганистане первую железную дорогу, а США — возвести металлургический завод, создать сеть больниц и первой помощи населению. В стране чека имела прочные агентурные позиции, располагало широкой осведомлённостью в расстановке политических сил, владело рычагами воздействия на происходящие политические процессы, могло направлять усилия местной спецслужбы на разработку иностранных представителей разрабатываемых организаций, отвлекать внимание от наблюдения за просоветскими элементами.

Некоторые из агентов КГБ стали исповедовать марксизм-ленинизм, отдельные с помощью органов превращены в деятелей коммунистического и рабочего международного движения. Одним из таких агентов был Тараки Нур Мухаммед /псевдоним "Нур"/. Агентурные отношения с ним установлены в 1951 году, находился на связи у оперативных работников кабульской резидентуры последовательно Сагадиева, Козлова, Федосеева, Спиридонова, Костромина, Козырева, Петрова А. В. Занимался Тараки журналистикой и писательским ремеслом. Другой агент Бабрак Кармаль /псевдоним "Марид"/ совместно с Махмуди, Акбаром, Хумой примерно в 1957 году основали группу коммунистического уклона под названием Парчам /Знамя/. В конце 1962 года произошло личное знакомство Бабрака и Тараки. Последний действовал тогда в одиночку, друзей не имел. Потом к нему примкнул Хафизулла Амин и они создали марксистский кружок под названием Халк /Народ/. Эти две группы организационно объединились и основали в 1965 году Народно-демократическую партию Афганистана. численность её едва достигала трёхсот человек. Образованы ЦК из 30 членов и политбюро из 5 человек. Первым секретарём ЦК НДПА избран Тараки, его заместителем Бабрак. По существу это не было

органическим слиянием, группы послушно на первых порах следовали указаниям Москвы. Единомышленники Бабрака назывались парчамистами, сторонники Тараки-Амина - халькистами.

Тараки по приглашению МО ЦК КПСС ездил в Москву, был принят зам. заведующего Международным отделом Пономарёвым, другими работниками аппарата. Ему советовали проявлять крайнюю осторожность в партийной работе, пока нет разрешения властей на официальную деятельность, сосредоточить основное внимание на создание важнейших звеньев партии в нелегальных условиях, начать выпускать газету через подставное лицо, состоятельного человека, чтобы в глазах властей можно было полностью оправдать источник финансирования. На встречах обсуждались вопросы программы, устава, тактики, стратегии, финансирования НДПА. Он был ознакомлен с рекомендациями Сталина генеральному секретарю ^{ком} партии Индонезии Айдиту.

Тараки произвёл на работников аппарата ЦК КПСС благожелательное впечатление, выглядел серьёзным, солидно подготовленным в политическом отношении лидером партии. Он довёл до сведения ЦК о предложении одного из руководящих работников НДПА Бадаши, узбека по национальности, развернуть вооружённую борьбу против правительства в афганском Туркестане, используя недовольства тамошнего населения и главным образом узбеков. В ЦК КПСС признали такое выступление преждевременным. Тогда же Тараки поделился своими подозрениями о связи своего заместителя Бабрака с афганской контрразведкой. Предположения свои он строил на том факте, что Бабрак был первым из политических заключённых освобождён властями из тюрьмы в 1952 году. Резидентура отвела такие догадки и считала, что распространение таких слухов рассчитано на политическую дискредитацию соперника, внесение раскола и недоверия друг к другу в рядах НДПА.

После избрания Тараки секретарём партии КГБ известил ЦК КПСС о прекращении с ним агентурных отношений и добавлял, что "в случае, если возникнет необходимость продолжить с Тараки негласную связь с целью оказания практической помощи этой партии, КГБ мог бы осуществить такой контакт с соблюдением максимальной осторожности". Зав. сектором МО ЦК Милованов И. В. ответил КГБ, что Суслов, Пономарёв, Андропов ознакомились с письмом КГБ и 18 февраля 1965 года согласились, чтобы КГБ продолжал негласные ^ж контакты с Тараки по партийной работе.

В МО ЦК подсказали Тараки легендировать свою поездку в Москву приглашением советских писателей и общества афгано-советской дружбы. Он так и объяснял однажды премьер-министру Мейвандвалю во время встречи, он также сказал ему, что правительству надо опасаться не левых сил, а правых элементов и реакционеров, рассчитывающих на приход к власти.

НДПА поставлена на финансовое довольствие ЦК КПСС, в том числе и по изданию газеты. В 1965 году Тараки передано 50 тысяч афгани на предвыборную кампанию в депутаты Народного совета. С апреля 1965 года стала выходить газета "Хальк". Тараки просил резидентуру составлять для неё тематику, писать тезисы статей. Встречи проходили в оперативной автомашине либо на квартире

оперработника, куда Тараки доставлялся скрытно. Самому ему лично установлено ежемесячное содержание в размере 180 инвалютных рублей /эквивалент 4 тысячи афгани/, выдавались продукты питания.

17 декабря 1966 года Спиридонов встретился на инструктивной беседе по работе с Тараки. Тот призывал соблюдать строжайшую конспиративность, пояснял, что работу с партийным руководством НДПА надо строить таким образом, чтобы властям были известны лишь некоторые лица из руководства партии, например, Тараки и Бабрак. Им необходимо на конспиративной основе готовить руководящие кадры на случай ареста известных властям деятелей НДПА. Тараки следует подсказать, чтобы он, "исходя из наших межгосударственных отношений и существующих в стране условий, проводил умеренную либерально-демократическую деятельность привлекать к этому левых деятелей. Тем самым будет создаваться в стране база для развития демократического движения, как основы для практической деятельности НДПА. Для этого надо использовать и легальные возможности, в частности создание студенческих и молодежных организаций, профсоюзов и т.д.". Порекommendовать Тараки добиться от властей разрешения на получение журнала "Проблемы мира и социализма", по вопросам же партийной работы Тараки будет вести переписку через резидентуру. Милованов добавил, что опубликование программы партии газетой "Хальк" в том виде, как это было сделано, явилось неправильным и несвоевременным шагом. Тараки проявляет ненужную нетерпимость к Бабраку и делает опрометчивые организационные выводы. В заключение Милованов призывал Спиридонова проявлять больше инициативы, не бояться давать Тараки советы, но в виде своих личных пожеланий и мнений.

В свою очередь Тараки выражал недовольство московскими проволочками /присылка книг, изданий иранской партии Туде и т.д./.

-Если советские товарищи считают, что в Афганистане не созрели условия для создания и деятельности партии типа НДПА, то её надо распустить, а мне самому выехать за границу - в Индию, Сирию или Цейлон и заняться там литературной деятельностью.

Но тогда же, в январе 1967 года, передавая оперработнику письмо в адрес редакции журнала "Проблемы мира и социализма" сказал: "Поскольку он будет связан с журналом, который является органом коммунистических и рабочих партий, то считает данное обстоятельство как признание братскими партиями Народно-демократической партии Афганистан".

Тараки подключался резидентурой к выполнению отдельных оперативных мероприятий, давал информацию о положении в стране, пуштунской проблеме, по афганской армии, правительстве, наводки на лиц, с его помощью завербовано несколько агентов. Через него 21 февраля 1967 года организованы демонстрации протеста против раскольнических действий китайцев у здания китайского посольства в Кабуле, телефонные звонки, отправление писем протеста от имени "трудящихся" в китайское посольство и выражение возмущения от имени "афганских друзей" Китая. 22 и 23 февраля Тараки лично звонил в китайское посольство и по поручению "китайских друзей" в Афганистане выразил чувство негодования и возмущения их действиями. Письма аналогичного содержания на пер-

сидском языке были написаны им левой рукой и 23 февраля член НДПА доктор Салех, проезжая на велосипеде мимо здания посольства КНР, перебросил их через ограду.

В партийной работе Тараки и Бабрак никак не могли сработаться. Бабрак со своей стороны обвинял Тараки во взяточничестве, связи с американцами, владении четырьмя автомашинами и вкладом в 400 тысяч афгани в пуштунском банке. Резидентура в данном случае уже взяла под защиту Тараки, как раньше сделала в отношении Бабрака. Характеризовала она его положительно, верным и искренним другом СССР, сотрудничал добросовестно, конспирацию соблюдал, в американском посольстве работал по заданию. Но по характеру Тараки довольно сложная и противоречивая натура. Он болезненно самолюбив, часто неправильно воспринимает шутку в свой адрес, любит, чтобы ему оказывали знаки внимания. Особенно это стало заметно после его поездки в Советский Союз. Эти качества могли явиться одной из причин его разрыва с другим лидером НДПА Бабраком, что в настоящее время /август 1967 года—примечание наше/ привело к расколу в руководстве НДПА. Бабрак, будучи образованным человеком, стремится проводить более гибкую тактическую линию в вопросах практической деятельности НДПА, а "Нур" своим поведением даёт понять, что за его спиной "стоит Москва", настаивает на проведение в жизнь его линии".

Заметно был удручён Тараки, когда ему в августе 1968 года передали о предстоящем в Москве совещании коммунистических партий и решении инстанции не приглашать НДПА на это совещание. Он с явной горечью заметил, что Москва не считает его коммунистом, в то время как здесь, в Афганистане, все без исключения называют его коммунистом, высказал обиды на позицию Кремля в отношении НДПА.

В сентябре 1968 года центр поставил перед резидентурой задачу о тщательной, детальной проверке Тараки с помощью опертехнических средств.

1 октября 1970 года Тараки направил Брежневу письмо, в котором высказывал пожелание прекратить "оказание правительству Афганистана экономической помощи, в частности в плане предоставления в кредит товаров широкого потребления, таких как сахар, бензин и другие. Естественно, мы не просим прекращения такой помощи, которая ведёт к увеличению и усилению рабочего класса...", "...следует отменить предоставления льгот, так как они используются правителями страны в личных целях". Далее он продолжал: "На съездах братских партий подтвердили, что социалистический лагерь должен оказывать всестороннюю помощь демократическим и антиимпериалистическим силам во всём мире. Надеюсь, что вы обратите внимание на деятельность Народно-демократической партии Афганистана, которая стоит на позициях марксизма-ленинизма и борется против империализма и реакции. НДПА с момента своего появления проводит работу по распространению в Афганистане идей марксизма-ленинизма".

17 октября 1972 года Тараки предупредил резидентуру о готовящемся в стране перевороте Даудом. В мае 1973 года от Азхера Абдуллы Самада /агент "Фатех"/ поступило сообщение, что Дауд подготовил государственный переворот, о его конкретных планах захвата власти. В июле Тараки с укором заметил, что

"если бы советские товарищи не запретили Хальк 5-6 лет тому назад проводить работу в армии, то в данный момент большинство офицеров-участников переворота были бы членами Халька. Сейчас же среди молодых офицеров есть лишь симпатизирующие группе Хальк". Резидентурой дана Тараки установка активизировать продвижение преданных людей на руководящие посты в новом государственном аппарате. В 1974 году передан очередной аванс в 50 тысяч афгани.

НЦПА, не успев сформироваться, фактически распалась на прежние соперничающие группы Хальк и Парчам со своими печатными органами такого же названия. Разногласия между ними, по мнению резидентуры, не носят принципиального политического, идеологического характера, а сводятся к борьбе за лидерство и за признание их Советским Союзом. Тараки удивляла неопределённость позиции ЦК КПСС, он говорил:

-Если СССР считает, что прав Бабрак, вы должны мне об этом сказать, подсказать в чём я не прав. Для СССР не должно быть проблемы Тараки и Бабрака. Главное в том, что демократические силы Афганистана растут. Однако они нуждаются в поддержке КПСС, как это делается по отношению к демократическим и коммунистическим партиям в других странах. Без материальной и моральной помощи КПСС коммунистам Афганистана будет невероятно трудно продолжать свою деятельность в одиночестве, когда династия наносит коварные удары по нашей партии.

Тараки написал книгу "Новая жизнь", она была напечатана, своё авторство он скрыл за псевдонимом Назир Заде. Но МО ЦК КПСС указал резидентуре о нецелесообразности её распространения в стране, так как это вызовет нежелательную реакцию со стороны Бабрака, политический авторитет и роль которого в левом движении после провозглашения республики значительно возросли. В оперативном письме в Кабул от 25 октября 1974 года центр высказывал свои соображения по работе с Тараки и Бабраком. "В процессе очередных встреч и бесед с "Мари́дом" и "Ну́ром" осторожно, в форме дружеского совета, не ссылаясь на указания Москвы, порекомендовать им не предпринимать без согласования с нами каких-либо действий, которые могли бы быть использованы их недругами в качестве предлога для нанесения удара по этим группировкам или их компромитации. Следует также ещё раз предупредить "Мари́да" и "Ну́ра" о необходимости полного прекращения взаимных нападок и обвинений в антиреспубликанской деятельности так как это на руку реакционным силам и в конечном итоге ведёт к подрыву демократического движения в Афганистане. О встречах и беседах с "Мари́дом" и "Ну́ром" просим информировать в центр телеграфом".

АПРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

В 1977 году исполнено указание Москвы, подобраны, подготовлены и утверждены негласные заместители для каждого члена ЦК и секретарей городских и провинциальных организаций НДПА. Их задача возглавить участок работы на случай неожиданных репрессий и арестов руководящих работников. Одновременно применён новый тактический приём по дезинформации властей, был распространён слух о "самороспуске" Хальк.

Деньги от МО ЦК КПСС регулярно передавались Тараки в тайне от других членов ЦК НДПА. Хотя Х.Амин являлся ближайшим другом Тараки и пользовался его полным доверием, но и он не был посвящён полностью в финансовые операции. 15 марта 1977 года вручено Тараки 30 тысяч афгани, 25 мая ещё 30240 афгани.

Дауд образовал партию национальной революции и запретил остальные. Резидентура поставила перед руководством НДПА задачу внедрить в партию Дауда своих людей и вести там подрывную работу. Самому Тараки рекомендовано проявлять осторожность, избегать излишних встреч с другими членами ЦК.

25 апреля 1978 года власти арестовали Тараки и Бабрака, Шах Вали и некоторых других лидеров партии. Но НДПА уже чувствовала себя уверенно. Сразу же был созван подпольный состав ЦК НДПА и на его тайном заседании решено осуществить государственный переворот утром 27 апреля и захватить власть. Организацию переворота возложено на нелегального заместителя Х.Амина Фигира, он же координировал и подготовительные работы. Основная роль в перевороте отводилась 4 и 15 танковым бригадам и силам командос, которые должны захватить Кабул, все государственные учреждения города. Им обеспечивалась поддержка ВВС-ПВО. Командование военными силами возложено на начальника штаба ВВС-ПВО Кадыра и его заместителя Назар Мухамеда.

Гулябзой /агент "Мамад"/ и М.Рафи /агент "Нируз"/ немедленно сообщили резидентуру о назревающих чрезвычайных событиях. Резидентура молниевидно 26 апреля в центр. Посол Пузанов со своей стороны сообщил в политбюро и высказывал мысль, что "есть опасение, что среди оставшихся на свободе членов ЦК НДПА могут найтись такие, которые будут выступать за крайние экстремистские действия. К этому их могут подбивать и провокаторы правительственных специальных органов. На наш взгляд такие экстремистские выступления в настоящей обстановке могут привести к разгрому прогрессивных сил страны". Телеграммы последовали незамедлительно, вне очереди.

Из КГБ в тот же день поступил ответ, в котором, между прочим, говорилось: "Не исключено, что Мосад умышленно провоцирует военную организацию этой партии на антиправительственное выступление с целью нанести по ней удар". Как видно, резидентура, посольство и московское руководство слабо зало обстановку в стране, неверно её оценивало и подстраховывалось на случай неудачи с затеей переворота.

Тем временем, в Афганистане события приняли крутой оборот. Правительство Дауда пало, сам глава погиб. Действовала новая власть в лице Революционного совета, который состоял из Х.Амина, полковника Абдул Кадыра и майора Аслама,

командира первого батальона 4 танковой бригады. Ревсовет согласовывал свои действия с Тараки и Бабраком. 28 апреля в 16³⁰ в советское посольство прибыл личный представитель Тараки Салех для установления контакта. Он обрисовал обстановку в Кабуле, рассказал, что подавлены последние очаги сопротивления и вся полнота власти принадлежит Ревсовету. Тараки просил СССР оказать поддержку в случае выступления внешних сил со стороны Ирана и Пакистана и ускорить признание нового режима. В тот же день Х.Амин встретился с оперработником, просил совета как поступить—следует ли генеральному секретарю ЦК НДПА Тараки выступить по радио 29 апреля или же утром 30 с обращением к народу, от имени ли НДПА или же только от имени военно-революционного совета, следует ли объявлять Тараки только президентом страны или же одновременно с этим и генеральным секретарём. От себя лично и от имени товарищей Амин просил в самый короткий срок заявить о признании Советским Союзом нового порядка в Афганистане. Резидентура в сообщении в Москву подчёркивала, что "Амин активный сторонник сотрудничества с Советским Союзом и КПСС". Власть разделили Тараки, Амин, Бабрак, Кадыр.

29 апреля Пузанов и резидент Осадчий В.Г. /псевдоним Евгений/ вечером в доме корреспондента ТАСС встретились с Тараки. Последний высказался в том смысле, что, если бы не ошибочные советы советских товарищей во всём поддерживать режим М.Дауда, то руководимая им партия могла бы взять власть в свои руки ещё три года тому назад. Такое мнение Тараки было советскими собеседниками решительно отклонено и разъяснено, что за эти годы Дауд разоблачил себя как демагогический и беспринципный политик.

Перед страной по радио выступил Х.Амин /"Казем"/. Он говорил о новых органах власти, насущных задачах, но о руководящей роли партии, её действиях в заговоре по тактическим соображениям^М умалчал.

30 апреля состоялось заседание политбюро ЦК КПСС по событиям в Афганистане, решение его сообщено резидентуре. Предписано встретиться с Амином и сказать, что в Москве считают целесообразным провозглашение президента страны и формирование правительства в возможно самые короткие сроки, согласно, чтобы Тараки был провозглашён президентом, не упоминая того, что он же является и генеральным секретарём ЦК НДПА. Об этом можно было бы объявить в последующем, с учётом конкретной обстановки. Сходное указание последовало Пузанову по линии МИДа.

С апрельского переворота "Нур" /Тараки/ стал называться "Дедовым".

6 мая новый министр обороны вооружённых сил Афганистана А.Кадыр обратился за советом как поступить с арестованными, которых перевалило за 10 тысяч, ими переполнены все тюрьмы, а они всё поступали и поступали. Для их охраны требовалось много преданных Ревсовету войск. Этот вопрос был вынесен на обсуждение политбюро Андроповым и Громыко. Политбюро согласилось с мнением Андропова направить в Кабул сотрудника КГБ, который длительное время поддерживал в Кадыром /"Осман"/ агентурные отношения с необходимыми инструкциями по вопросу арестованных. Тогда же был утверждён руководитель советских военных специалистов генерал-майор Горелов Л.Н.

В первые же дни нового режима по указанию центра резидентура приняла решительные меры к получению архивных материалов МВД, УНБ, военной контрразведки. К операции привлекли агентуру, которая занимала высокие посты в спецслужбах, среди них исполняющий обязанности начальника Управления военной контрразведки "Эстехбарат" А. Аббас. Получены списки агентуры, материалы разработок в королевское и даудовское правление. ГРУ III МО СССР перед своей резидентурой поставила задачу добыть материалы по американским объектам в районе Кабула, документацию по сейсмической разведке в районе Файзаде и тому подобное. Каждая служба хотела захватить своё.

В мае в Кабул прибыла первая группа советских советников спецслужб во главе с Богдановым Л. П. /Деснин/, в августе создано представительство КГБ в ДРА для помощи в организации новых органов безопасности и работе по защите нового режима. В сентябре образовано Главное управление по защите интересов Афганистана /АГСА/ на базе Управления национальной безопасности. Работа его нацелена на разработку представительств западных стран, наблюдение за посольствами США, Ирана, КНР, Пакистана, ожесточение режима пребывания в стране представителей главного противника, на техническое проникновение в западные объекты разработок и внутренних врагов.

По распоряжению Андропова перед Амином были раскрыты некоторые сотрудники резидентуры резидент Осадчий В. Г., занимавший должность советника посольства, Голиванов П. С., 2-ой секретарь, офицер безопасности подполковник Бахтурин С. Г., Кухта Ю. Л., 1 секретарь. Руководитель представительства КГБ полковник Богданов объяснил Амину, что по понятным причинам до апрельской революции эти сотрудники выполняли поручения советского правительства по поддержанию конспиративной связи с руководством НДПА, а в данное время занимаются работой по пресечению подрывной деятельности разведок западных стран против СССР и ДРА. Уже в мае сотрудниками резидентуры проведены беседы с министром внутренних дел Нур Ахмед Нуром, начальником полиции и жандармерии начальником Управления национальной безопасности Асадулло и самим Х. Амином об отстранении от использования западных советников в МВД. Амин сказал, что он и Тараки договорились постепенно заменять немецких специалистов по мере окончания их контрактов и заменять советскими советниками и специалистами. В ноябре служба КГБ провело мероприятие по техническим средствам подслушивания в резиденции Тараки, его рабочем и жилом помещении. Подозрительных моментов не выявлено.

В июле резидентура с тревогой сообщала в центр о том, что борьба за лидерство в НДПА привела к расколу не только в руководстве, но и затронула низшие партийные звенья. Тараки и Амин, покончив с расправой правой реакции, развернули активное наступление на парчамистов, перешли от демократических попервоначалу методов борьбы к настоящему террору против них. Гонение на членов Парчам чревато серьезными последствиями и в случае продолжения такой линии дело может дойти до междоусобицы и даже гражданской войны. Единомышленники Бабрака убеждали советских представителей, что "только руководство КПСС может повлиять на зарвавшихся оппортунистов и заставить их изменить

своё отношение к группировке Парчам". Противоречия между Тараки-Амином и лидерами Парчам переросли в антагонистические. Среди членов партии распространяются негативные слухи о том, что Тараки является агентом ЦРУ и КГБ, а Амин глубоко законспирированный агент американцев. Тараки заигрывает с СССР, чтобы получить крупную экономическую помощь, укрепить своё положение, а затем перейти в лагерь западников и реакционных мусульман. Амин, пользующийся неограниченным доверием Тараки, в конце концов устранит его от власти разделается с преданными ему министрами и повернёт Афганистан лицом к Западу.

Гонка за должностями захватила обе группировки. Преуспели сторонники Тараки. Последовало смещение и изгнание Бабрака, он был назначен послом в Чехословакию. Началась чистка партии и госаппарата, обвинение в заговорах, аресты и пытки, изоляторы и тюрьмы переполнены, попирались элементарные человеческие права. Делалось это во имя революции, ради её дальнейшего развития и углубления. Практика чинопочитания, восхваления и возвеличения Тараки, Амина вошла в обыденность. Ради интересов личности перекраивается и фальсифицируется партийная история предпереворотного и последующего периодов, преднамеренно искажается роль и место партии и её лидеров в жизни страны, переписываются и переделываются документы, сочинения, письма. Оценки даются не на реальной основе, а исходя из выгоды и установок личного порядка. Кумовство, блат, приспособленчество приобретает первостепенное значение. Посты и участки работ распределяются по признакам преданности лидеру, расхищается народное богатство, процветают приёмы огульных отворов и доносов, полицейским репрессиям подвергаются порядочные, честные люди, страна превращается в массовый застенок, люди уничтожаются без разбирательства, следствия и суда. Образуется огромная пропасть между народом и властью, которая делает ставку на насилие, опирается только на органы безопасности, армию, полицию и принуждает к безусловному, безропотному повиновению всех и вся. На поверхность всплывают сомнительной репутации личности, разного рода проходимцы и пройдохи. Черты эти свойственны всем марксистско-ленинским партиям, стоящим у власти. Репрессивные органы становятся в руках начальства как секира в руках палача.

Резидентура отмечала, что руководство ДРА достаточно продемонстрировало свою неспособность найти пути решения неотложных политических и социально-экономических проблем общества, использовать имеющиеся возможности для стабилизации в стране. Внутренняя борьба и интриги в НДПА были и остаются главным препятствием для превращения НДПА в массовую политическую организацию, прочно стоящую на позициях марксизма-ленинизма и способной стать руководящей и направляющей силой афганского общества, встать на пути процесса организационного и идеологического перерождения в секту избранных и преданных вождю людей, связанных между собой родственными отношениями и интересами удержания власти в целях личного обогащения.

Со всеми видными представителями обеих группировок резидентура под-держивала оперативный контакт. Люди эти заняли ключевые посты и должности

в партии, госаппарате, прессе, общественных организациях. К советским представителям относились они как к "своим старшим товарищам, соратникам по классовой борьбе".

4 мая 1978 года было доложено Брежневу об агентурном аппарате в ДРА, от него получено согласие продолжать работать с агентурой на доверительной основе.

Источники из парчам указывали на засорённость государственного и партийного аппаратов лицами, скомпрометировавшими себя в прошлом, что ведёт к изменению классового характера властителей чуждых идеологий, процветает взяточничество. Иванов, Богданов, Горелов также подтверждали, что руководство НДПА сконцентрировало своё усилие на внутривластной борьбе, практически на ликвидацию группы парчам, проявляя явную близорукость в отношении истинных врагов революции.

Двоюродный брат Бабрака Махмуд Барьяли, член ЦК НДПА, на встрече в Москве с оперативным работником Некрасовым Э.И. просил связаться с кем-нибудь из ЦК КПСС, он хотел обрисовать положение в стране. Барьяли высказывал своё непонимание почему в СССР, в советской литературе по Афганистану в качестве ведущей демократической партии страны указывается группа хальк, а парчам почти не упоминается. Но лишь в партии парчам подлинны коммунисты и КПСС ошибочно делает ставку на хальк. Истинными вдохновителями и организаторами революции были парчамисты и их сторонники в армии, бронетанковых войсках. Однако с помощью интриг и махинаций власть захватили халькисты, оклеветали военных, поставили своих сторонников, после чего приступили к разгрому парчам, которая в составе ЦК имела 19 мест из 29. Тараки единолично решил всех 19 членов ЦК направить послами за границу, сняв их с постов в стране. Бабрака направили в СССР, его в Пакистан, Нур Ахмеда в Вашингтон, Валила в Лондон, Анахиту в Белград. Амин сказал ему, что решения Тараки должны беспрекословно выполняться. Тех, кто не подчинится, будут расстреливать, как это делал Сталин. На возражение Барьяли что их революция имеет свои особенности и что нельзя слепо копировать то, что было в СССР при Сталине, которого, кстати, осудили за его преступления сами советские товарищи, Амин возразил, что он по-дружески предупреждает Барьяли, но тот волен сам распоряжаться своей судьбой. Междоусобная борьба чревата серьёзными последствиями, преследуются те люди, которые беспредельно преданы Советскому Союзу. Это должно насторожить советских товарищей. Для СССР, пока не поздно, необходимо принять меры и поправить своих афганских друзей, поскольку авторитет СССР пока ещё остаётся непререкаемым для руководства НДПА и вооружённых сил. Если же процесс этот затянется, то НДПА может пойти по пути КПК, что может привести к уничтожению самой партии.

Резиденту в Исламабаде Батраеву Б.Н. сообщено о назначении Барьяли афганским послом, просили натаскивать его по вопросам дипломатической практики и функций посла с тем, чтобы помочь Барьяли быстрее перестроиться психологически с позиций фрондирующего против своего правительства, партийного оппозиционера к позиции посла своей страны, добросовестно, с честью и достоинством выполняющего возложенные на него государственные обязанности. Батраеву разья

снили, что принципиальных различий между группировками нет. Направленные на заграничную работу бывшие руководители парчам остаются стойкими ленинцами, преданными делу социализма, прогресса в Афганистане. В случае, если Барьяли будет допускать критические высказывания в адрес Тараки, суждения такие не поддерживать, а проводить мысль о том, что в настоящее время в интересах народа Афганистана следует основное внимание обращать на укрепление рядов НДПА. Сторонники Бабрака в беседах с советскими представителями проводят ошибочные взгляды о том, что группа хальк не контролирует положение в стране, будучи занята борьбой с группой парчам и что из-за этого в ближайшее время возможно осложнение обстановки в ДРА. "По нашему мнению, такая информация носит субъективный характер и отражает лишь мнение сторонников Бабрака. В беседах уходить от обсуждения этих проблем, не позволять втягивать себя во внутреннюю борьбу в НДПА".

Восстановление связи в июне 1978 года Барьяли /"Шир"/ принял с энтузиазмом, проявил желание быть полезным.

В сентябре по линии МИД послу СССР послано указание, в котором говорилось, что если к нему обратиться посол ДРА по вопросу внутривнутриполитической борьбы в НДПА то сказать, что данный вопрос является внутренним делом Афганистана. Если же посол ДРА не пожелает возвратиться на родину, то следует исходить из того, что ему не будет дано политического убежища в СССР.

Сходным образом должен действовать резидент. Барьяли на встече с Батраевым затронул вопрос политического убежища, но тот в тактичной форме отказал. Посол сказал, что в Кабул не вернется, просил передать советским руководителям, что, несмотря ни на какие невзгоды, он останется настоящим коммунистом и верным другом Советского Союза.

Барьяли выехал в Чехословакию, встретился там с Бабраком, потом приехал в Москву, позвонил на квартиру Некрасову. В телефонном разговоре Барьяли сказал, что парчам находится в критической ситуации, создалось трагическое положение, им всем грозит гибель, он умоляет принять срочные меры по спасению Бабрака и его сторонников.

-Во имя гуманизма спасите нас! Во имя гуманизма спасите нас!

Эту фразу он произнес несколько раз с рыданиями.

-Не знаю, что делать, как быть дальше. У меня нет никаких средств к существованию. Все надежды на советских товарищей. У меня есть письмо Бабрака, но не знаю кому его передать.

О состоявшемся разговоре доложено Суслову и Пономарёву. Те распорядились принять Барьяли в МО ЦК, беседовал с ним сотрудник отдела Поляков Г.А. Ульяновский от разговора уклонился.

Барьяли жаловался, он не понимает позиции Советского Союза и его отношения к физическому истреблению настоящих и верных коммунистов. Пузанова обвинял в дезинформации советского правительства о положении в стране. Ради наград и поощрений тот готов пожертвовать жизнями тысяч истинных коммунистов. Барьяли вопрошал почему сейчас Москва советует ему самому решать стоит или не стоит возвращаться в Кабул, будто она не в курсе событий там. Раньше ему всегда

давали советские товарищи советы как поступать и он никогда не подводил. Изложил мнение Бабрака на положение в стране. Особое недовольство Бабрак высказал в адрес Пузанова. "Он должен быть не только послом, но и коммунистом. Парчамисты решили не обострять на данном этапе революционную обстановку. Такое решение нельзя понимать как капитуляцию." - Пройдёт полтора месяца и ситуация в Афганистане изменится не в лучшую для Тараки сторону. Проявляемое уже сейчас недовольство правительством будет становиться всё более всеобъемлющим. Время восторгов прошло, за ними последует критика и выступления против Тараки.

Представительство КГБ, резидентура также отмечали неполадки. Руководство НДПА в лице Тараки и Амина не прислушивается к высказываниям и пожеланиям ЦК КПСС о сплочении всех демократических сил афганского народа, привлечении их к активному участию в преобразовании страны. В политических кругах ДРА и НДПА циркулируют мнения, что борьба против парчам и критически настроенных халькистов предпринята Амином для укрепления своего лидирующего положения в партии, государстве и армии. Учитывая личные качества Амина, считают, что в перспективе он может предпринять аналогичные действия против Тараки и его ближайших сторонников.

Первый сигнал расхождения между ними поступил в конце мая 1978 года в связи с делом сотрудников военного атташата в Москве. Афганский военный атташе Хамила Турабаз и его заместитель намерены были не возвращаться в Кабул, а выехать на Запад. Тараки приказал доставить их под конвоем в столицу, а Амин - выпустить в Европу, так как, заметил он, "если они придут в Афганистан, власти должны их арестовать и решить вопрос как с ними быть дальше".

Перед неофициальным посещением Кабула Пономарёвым Тараки и Амин приняли поспешные меры на ускорение процесса отстранения потенциальных претендентов на власть, продолжались массовые аресты и репрессии против личных соперников по партии, подполью. Личный недруг Тараки Акбар М.А. обвинён в сотрудничестве с ЦРУ. В первые месяцы после апреля "раскрыто" 27 заговоров. 15 августа арестован начальник генштаба Шахпур, 17 августа министр обороны А. Кадыр, за ними последовали другие министры и функционеры. Окончательно определилась линия Тараки-Амина на устранение неугодных им лиц с целью концентрации всей полноты власти в своих руках. Как считают в Афганистане, поскольку СССР оказывает помощь стране, не препятствует удалению и уничтожению людей, известных своими просоветскими взглядами, советское руководство пошло на предательство, например, Кадыра, который играл видную роль в государственных переворотах 1973 и 1978 годов.

По словам Тараки, арестованные находятся в специальной тюрьме, место расположение которой известно лишь узкому кругу лиц. Послу Пузанову он сказал:

- Многие из них весьма расположены к самоубийству, а Хедаят уже покончил с собой. Заговорщики не желают раскрывать новые факты и поэтому настроены таким образом. Кадыр пока не сознался, но признал за собой некоторые ошибки.

Сейчас задача заключается в том, чтобы выснить политическое руководство заговора, выяснить кто стоит за Кадыром и Шахпуром. Мы уверены, что добьёмся раскрытия и этого.

Шахпур был в подавленном состоянии духа, постоянно плакал, просил поскорее расстрелять. Как доверительно сообщал начальник управления контрразведки АГСА Азиз, следствие велось лишь в отношении лиц, которые дают показания, а остальных арестованных расстреливают, немедленной ликвидации подлежат хомейнисты, члены организации Братья мусульмане.

В мае 1978 года по указанию I секретаря провинциального комитета НДПА Балх Абдуллы Ахада Умуси были схвачены 900 жителей провинции как враги апрельской революции, брошены в тюрьму Мезири-Шерифа, центр провинции Балх. Была образована комиссия по расследованию их контрреволюционной деятельности, применяли пытки. В середине июня из Кабула последовало указание отправить в столицу всех арестованных. При сверке такого количества не оказалось, многие были уже расстреляны. Уничтожение проводилось ночью по 50-60 человек кряду в расположении 18 пехотной дивизии, дислоцированной в г. Мазари-Шерифе. Предназначенные в расход сами себе рыли траншеи для захоронения. Документация на содержащихся в тюрьме заключенных не велась, но по учётам журнала пищеблока установлено, что с конца июня по июль число арестованных ежедневно сокращалось на 30-70 человек. Администрация тюрьмы объясняла, что мужчины направлены в СССР, в район Урала и Сибири, где используются на тяжёлых работах, родственники получали по почте оттуда, от пропавших без вести, посылки, в которых в различных предметах /мысле/ спрятаны письма с описанием тяжёлых условий и изнурительных работ.

Тараки поведал Пузанову о раскрытии в августе 1978 года антиправительственного заговора. Замешаны в нём Китай, США, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и ФРГ.

Заговорщики планировали ликвидировать Тараки и Амина, избрать новое руководство. Об этих намерениях поведали арестованные, бывший начальник генштаба Шахпур и начальник госпиталя Джомхуриат М.А. Акбар.

-Сейчас власть располагает преимущественно признаниями арестованных, - сказал Амин и добавлял:

-Партия не смогла воспитать Кадыра непреклонным марксистом-ленинцем, готовым противостоять любым отрицательным влияниям. Это наше упущение.

Пузанов отчасти соглашался с доводами Амина и сообщал в Москву. "По нашим наблюдениям Кадыр был политически незрелым человеком, склонным к авантюризму, мелкотемью". Посол оправдывал действия верхушки НДПА, которые, "по мнению посольства, ведут к укреплению революционного правительства и усилению влияния партии в вооружённых силах Афганистана".

Амин заверял Пузанова и Хазарова В.И. в том, что всегда с благодарностью воспринимает советы советских друзей и учится работать на опыте КПСС, борьба против парчам сравнима с борьбой большевиков с меньшевиками.

Тараки освобождался от конкурентов, укреплял своё влияние, добивался популярности в народе, с этой целью по пятницам ходил в мечеть совершать намаз, свои выступления по радио непременно начинал словами "именем всевышнего ...".

там

По подсчёту резидентуры накануне апрельского переворота в армии было

500 членов парчам и 1200 сочувствующих, и халькистов-470 и 1100 соответственно. Среди гражданских лиц насчитывалось 5500 парчамистов и на сто человек меньше у халькистов. К концу июня 1979 года НДПА состояла примерно из 14 тысяч членов гражданского населения и 3 тысячи военных. Партийная власть сосредоточена в руках Тараки и Амина, которые не хотят переходить на коллегиальные методы правления страной, снижают авторитет партии, отвергают любые инициативы членов Революционного совета, ЦК и министров, отходят от марксистско-ленинских принципов партийной жизни и государственного строительства, насаждается культ Тараки-Амина. Ещё ранее резидентура отмечала, что Амин сравнивает Тараки с Лениным, искажается вся история НДПА, события 27-28 апреля 1978 года выставляются как образец революции. На приёме 5 августа 1978 года делегации КГБ во главе с начальником ПТУ КГБ Крючковым В.А. Тараки сравнивал апрельскую революцию в Афганистане по многим факторам с Октябрьской революцией в России, а именно: по скорости захвата власти, по внутривластной обстановке большевики боролись с меньшевиками и эсерами и в Афганистане идёт борьба за создание единой и единственной партии.

-Мы уважаем опыт многопартийной системы некоторых социалистических стран, говорил он, -но предпочитаем брать пример с СССР, равняться на него. То, что происходит в Афганистане, это начало диктатуры пролетариата по советскому образцу.

Позже, в январе 1981 года, резидентура писала в центр, что часть халькистов продолжает возвеличивать личность Тараки, превозносит его роль в создании НДПА, распространяет среди военнослужащих слухи о временном пребывании парчамистов у власти, саботирует приказы командования, ведёт агитацию против правительства.

Бабрак опасался выступать против Тараки из-за позиции советских товарищей. Беседы с которыми показали, что у них по существу не было чёткой линии в партийных вопросах, ясных представлений о делах, а советы их зачастую противоречивы.

КГБ через своего представителя несколько раз обращался к Х.Амину, курирующему работу органов госбезопасности, с просьбой об освобождении из-под ареста, прекращении судебного преследования, снятии подозрения о политической неблагонадёжности некоторых агентов и доверительных связей, обвинённых властями в антиправительственной деятельности. Амину было сказано, что лица эти занимались полезной работой по заданию советской разведки и содействовали тем самым народно-демократической революции в Афганистане и укреплению дружбы между советским и афганским народами. Такие просьбы были высказаны в отношении бывшего заместителя премьер-министра при Дауде Х.Шарка, бывшего начальника штаба полиции и жандармерии МВД Самада Азхара, бывшего члена Революционного совета и министра общественных работ Мухамеда Рафи, бывшего зам.министра торговли Абдул Салама, министра обороны Кадыра и многих других. В ответ на одно из таких обращений начальник Управления национальной безопасности Асадулла, действуя от имени Амина, сказал, что "некоторым арестованным, которые были связаны с вами, будет сохранена жизнь, а после пяти лет они,

возможно, будут освобождены." И сам Амин проявил готовность освободить из заключения тех афганских граждан, которых советские товарищи хорошо знают и которые действительно являются друзьями СССР. Одновременно он высказал нарекание.

-В стране сейчас идёт процесс создания нового государственного аппарата, осуществляются социально-экономические преобразования. В этих условиях советские специалисты, в частности, те, которые многие годы работали в Афганистане при старом режиме, а теперь вновь направляются в страну, часто пользуются старыми представлениями о стране и не всегда объективно дают оценку происходящим здесь событиям.

Пузанов от имени инстанции просил Тараки оставить в живых арестованных Кештманду, Кадыра.

-Вина их велика, - сказал Тараки. - Они вошли в сговор, организовали заговор при помощи США и Китая. ^{чрезвычайно} Согласен, что репрессии оружие острое. Но Ленин учил быть беспощадным к врагам революции, и для победы Октябрьской революции пришлось ликвидировать миллионы людей. Если же использовать это оружие решительно, так, как оно было использовано во время мятежа в Кабуле вчера, ясно, что из этого выйдет.

Беседа состоялась 6 августа 1979 года.

17-20 июля 1979 года в Кабуле находился Пономарёв Б.Н. с наставительной целью. Министр общественных работ Панджшири в доверительной беседе выразил, сожаление, что Пономарёв избегал встречаться с широким активом, не выступил даже перед всем составом политбюро, а ограничился встречами с Тараки и Амином.

-У нас, - заметил он, - в политбюро всё решают два человека, Тараки и Амин. Первый принимает и утверждает решения, которые предлагает второй. Остальным отводится роль аплодирующих статистов. Никто ни разу пока не рискнул возразить Тараки-Амину, так как боятся получить ярлык врагов революции. Большое недовольство вызывает кадровая политика Тараки-Амина. Необоснованные аресты невинных людей проводятся по ночам под плач жён и детей.

Оплотность или невнимание Пономарёва исправил Иванов Б.С. На встрече с Достагиром Панджшири /"Ричард"/ 29 июля 1979 года он ознакомил с письмом ЦК КПСС, привезённым Пономарёвым для ЦК НДПА. Тот поблагодарил за доверие и заверил, что и в дальнейшем будет неустанно трудиться на благо своей родины, укреплять дружбу между партиями и народами братских стран. Он говорил, что существующая практика безоговорочного подчинения решениям, выработанным Тараки и Амином, не способствует преодолению ошибок и поиску оздоровления, нормализации обстановки в стране.

Резидентура высоко оценивала информацию "Ричарда".

27 июля 1979 года Тараки произвёл очередные правительственные изменения. Амину вновь отдано руководство военными делами. Пузанов, Иванов, Горелов Л.П. /главный военный советник/ навестили Тараки и потребовали объяснений причинам перестановок. Амин среди своего окружения задал вопрос чем вызван столь срочный визит советских товарищей к Тараки и сам же ответил:

-Видимо, они испытывают беспокойство в связи с переставлениями в правительстве, о которых мы не догадались информировать их заранее.

В Москву последовало сообщение о том, что местные американские дипломаты рассматривают перетасовку в правительстве как отчаянную попытку спасти положение, и Амин идёт на большой риск, поскольку, если не будет достигнуто успехов в борьбе с мятежниками, то он станет козлом отпущения.

"После встречи с Амином Иванов телеграфировал 29 июля: "Тараки не совсем точно передал Амину смысл нашего обращения к нему. Видимо, он сделал это умышленно, чтобы показать Амину, что советская сторона серьёзно считается с ним".

Между советскими представителями и афганским руководством наметилось отчуждение, последнее в некоторой степени проявляло своеволие, не согласовывало свои действия. Советникам и специалистам дано задание более тщательно собирать информацию о действиях афганцев, был увеличен состав представительства, введены должности пяти заместителей Представителя КГБ-зам. по контрразведке зам. по военной контрразведке, зам. по пограничным вопросам, зам. по МВД.

Первый заместитель по оказанию помощи руководству Представительства возглавил работу разведывательного отдела, создана информационно-аналитическая группа. В марте 1979 года специальным решением политбюро в состав группы советников МВД СССР при МВД ДРА включён генерал Веселков Н.С. В Афганистан направлялись по различным ведомствам разные делегации для воздействия на афганцев. Одна из таких делегаций в составе начальника Управления кадров МВД Дроздецкого И.Я., начальника отдела Ильина А.И. была в мае-июне по линии Цфранкоя.

Советники проявляли активность, настырно лезли во все щели министерств. Так, советник Гречин Н.К. выражал желание "быть министром в тени", руководить экономической и финансовой деятельностью наравне с министром планирования, отвечать не только за составление, но главное за выполнение планов, т.е. отвечать совместно и за всё дополам. Он предложил принимать решения только

при условии согласия всех участников, иначе министров и советников. На это министр финансов, член политбюро Абдул Керим Мисак резонно возразил:

-Министерство-не организация объединённых наций!

Призыв к усилению руководящей роли советников воспринимался афганцами с видимым недоумением и порой с раздражением. Гречин рекомендовал создать в министерстве торговли постоянную комиссию с участием советников для решения оперативных вопросов, на что тот же Мисак вновь основательно заметил:

-Прошу не создавать вашего бюрократизма в работе афганских министерств!

"нас своего достаточно." "Прошу не подменять министров и не перекладывать их ответственность и функции на какие-то комиссии. Министры должны полностью отвечать за всю деятельность министерств и никакие ^{комиссии} не должны их подменять.

Тогда решено опорочить Мисака. Он как-то высказал вслух идею о том, что СССР должен помочь ДРА "построить социализм за 30 месяцев". Это было расценено КГБ как изживенчество и дискредитация советской помощи. В январе 1979 года в Москве перед руководством ДРА и через возможности КГБ в третьих

странах Мисак был скомпрометирован. Руководителям ДРА было высказано, что он выступило в СССР с необоснованными просьбами о предоставлении им средств, которых Афганистан не в состоянии освоить, они невольно оказались под влиянием Мисака, враждебно настроенного к СССР, а действия его инспирированы маоистами.

Советник министра финансов Зотов грубо ругал члена Ревсовета министра торговли Гобани.

Со своей стороны афганцы выражали недовольство компетентностью военных советников. Амин был удручён ходом военной операции в конце 1978 года в ущелье Камдеж, в районе Нанграхарска.

Афганские войска под руководством советника Бряскина уже длительное время проявляют свою неспособность ликвидировать антиправительственные банды. Мы дали вашим советникам широкие полномочия в руководстве афганскими войсками. За любое неповиновение их рекомендациям мы строго наказываем. Это наводит на мысль, что не все ваши советники достаточно компетентны. Нам нужны опытные генералы, которых, как нам известно, много в СССР. Они должны поднять боеспособность афганской армии, научить её воевать, использовать опыт советской армии в годы войны.

—С нынешним вашим руководителем /Горелов—примечание наше/, говорил Амин генералу Заплатину, —трудно иметь дело, а его заместитель /Храмченко—примечание наше/ не в состоянии решить ни один серьёзный вопрос.

Разочарование у афганцев наблюдалось и самой советской действительности. Агент "Раккас" из афганцев сообщал, что он лично столкнулся с широким размахом взяточничества в Советском Союзе. При лечении его жены в московской больнице им. Боткина врачи и весь обслуживающий персонал не только ожидают и рассчитывают на подарки и взятки, но и домогаются этого путём проволочек и других способов.

Недовольство было и в советской среде, но проявлялось оно по-разному. В ЦК КПСС поступило письмо от анонимного автора. В нём обращалось внимание на то, что посол Пузанов, военный советник Горелов, резидент КГБ Осадчий находятся в сговоре между собой, искажают линию партии в личных, карьеристских целях, разворовывают посольские средства, обогащаются, пьянствуют и развратничают. Военный атташе и советники посольства составляют фиктивные документы и липовые отчёты, ревизоров спаивают и подкупают. Процветает взяточничество, вымогательство подношений и подарков с советских и афганских специалистов. Парторг ЦК КПСС также занят собственным обогащением. Неудовольствие ждёт расправа, отправка досрочная на родину.

Автор высказывал сожаление о расстреле Дауда, "глубоко нашего человека", бранил новое руководство Афганистана.

Военные при ^{ревностном} выполнении своего интернационального долга позволяли себе расслабляться. Вот один пример.

21 июня 1979 года четыре переводчика 25 дивизии, дислоцированной в городе Хосте, устроили званый обед по случаю годовщины их выпуска из училища.

Приглашены военные советники—начальник отдела разведки подполковник Калинин, нач. погранслужбы Городец, командир артиллерийского 59 полка майора Семенченко Н.С., командир дивизии Крусь Н.А. и других. Выпивки было в волю, все охотно прикладывались к наполненным стаканам. Как водится за пьяным застольем возник непроизвольный спор, вылившийся в ссору. Лейтенант Садыков, узбек, выплеснул наружу накопившиеся обиды. Он долго терпел и переносил грубые замечания начальства за неточный перевод и брань нецензурными словами. Распалившись, сам стал поносить советников и, схватив автомат, угрожал расправой. Младший лейтенант Малолеткин, применив боевой приём самбо, обезоружил Садыкова, увел в другую комнату и уложили спать.

Через час Садыков проснулся, забрёл в помещение дежурного и в возбуждённом состоянии выкрикивал:

—Вы думаете, что защищаете родину? Как бы не так! Нет, вы все, вы все предатели и изменники!

И понёс, понёс несусветное. Ведь что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Присутствующие при этой сцене всполошились. Офицеры Киселёв, Рябчинский и Костин пытались как-то урезонить его, успокоить, отвели обратно в комнату. Но ещё через час Садыков снова появился, но уже с автоматом в руках и, находясь ещё под винными парами и водочным перегаром, открыл в коридоре стрельбу, выбежал на улицу, продолжая беспорядочную пальбу. Был убит Семенченко, ранены Малолеткин и афганский солдат.

Об этом инциденте в приглушённых тонах доложено зам. главного военного советника Тутушкину С.П. и далее по команде.

Семье Семенченко отписали, что тот героически погиб, выполняя интернациональный долг.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Личный советник Амина по финансовым вопросам и планированию Драгялис П.Ю./агент "Ромов"/характеризовал его как одарённого, развитого, но жестокого и честолюбивого человека, стремящегося добиться концентрации власти в своих руках. Между ними сложились неплохие отношения. Драгялис рассказал Амину о прошлой своей работе. На посту постоянного представителя Литовской ССР при СМ СССР ему по роду работы приходилось встречаться с высшим советским руководством. Амин спросил:

-И вы докладывали товарищу Косыгину?

На утвердительный ответ, Амин с тонкой иронией произнёс:

-Да, вы самый замечательный человек в Афганистане!

В развитии Афганистана Амин склонен был отдать предпочтение опыту Монголии. Он разъяснял:

-Поймите, мы сейчас похожи на преждевременно рождённого ребёнка, которого надо сохранять и беречь от всякой капиталистической заразы и капиталистического пути развития. Сейчас ещё рано, мы не окрепли, мы не можем допустить частный капитал в нашу страну. Смотрите на развитие Афганистана как на развитие одной из республик СССР. Пусть это будет условно шестнадцатая республика.

Однажды /в июле 1979 года/ он затронул вопрос об афганских вкладах в иностранных банках.

-У меня к вам дело, как к моему консул^танту.

У нас в двадцати частных банках различных стран находится 400 миллионов долларов. Деньги эти могут быть получены только при условии, если чеки будут подписаны тремя подписями доверенных лиц. Из страны этих лиц мы выпустить не можем, они смогут воспользоваться правом подписей и тогда эти деньги пропадут. Нельзя ли как-нибудь оформить получение вкладов на мою подпись....

-тут он сделал паузу, а потом добавил, -на мою подпись как премьер-министра?

На уточняющий вопрос чьи это деньги государственные или частные Амин ответил, что государственные.

-Но как их получить?

Он просил узнать о возможности замены подписей доверенных на его подписи: Драгялис заключает:

-Если предположить, что желание Амина любой ценой получить 400 миллионов долларов не вымысел, а правда, мы с переводчиком невольно становимся очень опасными свидетелями замысла авантюриста.

В КГБ сочли такой разговор странным. Уж не собирается ли Амин воспользоваться этими деньгами и улизнуть за границу?

Амин встал колом в горле КГБ!

Дост^т на встречах^{агент "Перс"} постоянно твердил, что над партией довлеет мнение и желание одного-двух человек, которым должны слепо подчиняться все остальные члены партии. Он советовал с помощью Тараки перевести Амина на второстепенный участок работы, а лучше в отставку.

Представительство, резидентура всё больше прислушивались к таким советам, отыскивали, собирали порицающие моменты в жизни Амина, и склонялись именно

так и поступить. В США дружил Амин со своим одноклассником по университету с Н. Пажваком, бывшим министром просвещения, противником коммунизма. Общение их проходили в дружеских попойках. На пути домой из США Амин задержался в Европе, навестил посла Афганистана в Бонне Али Ахмада Попала, агента империализма. В Кабуле он встречался с председателем акционерного общества "Спинзар" Сарварри Нашером, который не порывал связь с королём Захир Шахом. Нашер оказал финансовую поддержку Амину в предвыборной кампании. После апрельского переворота Амин освободил его из тюрьмы, выделил в его распоряжение автомашину и шофёра. В гостинице "Спинзар" в специальном номере произошла встреча Амина с генералом Джейлан Тутахейлем и каким-то неустановленным американцем.

По предложению Тараки Амин был выдвинут в члены ЦК НДПА, против выступил Бабрак. Произошла перепалка, Амин угрожал Бабраку пистолетом. В 1978 году в Нью-Йорке Амин виделся с Хусейн Паянде, женатым на американской гражданке.

Он враждебно относится к компартиям Индии, Пакистана, Ирака, народной партии Ирана, организации освобождения Палестины.

В июне 1979 года глава торгового представительства СССР в ДРА Булах Ю. Г. в беседе с зам. начальника ПТУ Медяником Я. П. высказал установившееся мнение советской верхушки в Кабуле о необходимости серьёзного политического поворота в руководстве страной. И первым таким шагом в этом направлении могло бы стать отстранение от власти Х. Амина, создание климата доверия, доброжелательности на всех уровнях хозяйственного и партийного механизма. Важную роль в этом могли бы сыграть парчамисты, которые имеют некоторый опыт в государственных делах. "Им, видимо, удалось бы правильно построить работу с населением и духовенством. Главная задача советских граждан в Афганистане состоит в том, чтобы Кабул не встал на путь свёртывания традиционных отношений дружбы и добрососедства с Советским Союзом".

В телеграмме Иванова и Осадчего^В центр сказано: 16 июня 1979 года начальник канцелярии Тараки Тарун вечером на квартире руководителя группы советских советников Веселкова рассказал о том, что образовалась антиаминовская группа в составе Ватанджара /министр обороны/, Гулябзоя /министр связи/, Маздурьяна /министр МВД/, Ассадуллы Сарвари /руководитель Главного управления по защите интересов Афганистана-АГСА/. Эти министры лично докладывали Тараки об обстановке в стране. Амин настаивал, чтобы они докладывали ему, как председателю Совета министров, а он Тараки. Сарвари в беседе с Богдановым Л. П. отрицательно отзывался об Амине.

В этой связи^{Они} высказывался^И. "По нашему мнению наиболее правильной линией в этом случае с нашей стороны была бы поддержка Тараки, который весьма благоприятно воспринял письмо политбюро ЦК КПСС и расценил его как непосредственную помощь ему в деле обеспечения коллективного руководства в ДРА." Ровно через месяц они же сообщали в Москву свои соображения о положении в руководстве страной. Коллективного руководства нет. Тараки и Амин принимают решения самостоятельно, не советуясь с другими членами ЦК НДПА. Гулябзой С. И. и главнокомандующий народной милиции Али Шах Пайман открыто выражают недо-

вольство Амином. Иванов и Осадчий полагают, что Амин стремится к власти, он возражает против выработки конституции, против создания местных органов власти в лице народных /революционных/ советов. Письмо ЦК КПСС афганскому руководству воспринимает как желание советской стороны ограничить его стремление к единоличным решениям вопросов политики и как попытку сузить свободу его действий в беспощадной борьбе с контрреволюцией, стремится иметь в Москве своих людей. Из пяти членов политбюро ЦК /без Тараки и Амина/ Амина поддерживают двое — Шах Вали и М. Сума, в ЦК — 14 /из 30 членов/, а в правительстве — 11 из 17. — Таким образом, — заключают Иванов и Осадчий, — оздоровление положения в руководстве ДРА на сегодняшний день во многом зависит от Н. М. Тараки. Оно, по видимому, невозможно, если не будет осуществлён принцип коллективного руководства и не будет ограничено стремление Х. Амина к единоличному управлению государством". И ещё. Амин не может наладить делового контакта с послом Пузановым.

Непонятно, почему не наоборот! Разве Амин аккредитирован при Пузанове?

1 сентября 1979 года КГБ представил инстанции тезисы о путях возможного преодоления кризисного положения в Афганистане. В них констатировалось: правительство Тараки — Амина заметно теряет свой авторитет у народа, среди которого всё больше проявляются антисоветские настроения. Советы и рекомендации, высказываемые на различных уровнях Тараки и Амину ответственными советскими представителями об усилении работы в массах с целью создания для режима широкой социальной опоры, на практике почти не выполняются. Тараки и Амин делают ставку на решение всех внутренних проблем военной силой, продолжают осуществлять практику необоснованных массовых репрессий. Основным организатором такой политики является Х. Амин....

В записке предлагалось: "1. Изыскать форму устранения Х. Амина от руководства страной, повинного в проведении ошибочного внутривластного курса, возложив на него лично всю ответственность за необоснованные широкие репрессии, просчёты в вопросах внутренней политики. 2. Убедить Тараки в необходимости создания демократического коалиционного правительства, руководящую роль в котором должны занимать члены НДПА, включая представителей парчам. Привлечь к работе в правительстве представителей патриотически настроенных духовных и племенных авторитетов, представителей меньшинств и интеллигенции. 3. Освободить и реабилитировать незаконно арестованных политических заключённых, в частности, членов ^{группы} парчам. 4. Провести неофициальную встречу с находящимся в эмиграции в ЧССР лидером парчам К. Бабраком, на которой обсудить вопросы, касающиеся стабилизации внутривластного положения в ДРА. 5. На случай обострения кризисной ситуации в стране готовить резерв нового руководства НДПА в ДРА".

Часть этих тезисов легла в основу документа, составленного для Брежнева для беседы с Тараки.

В Гавану последовало указание встретиться там с Тараки и просить его на обратном пути домой задержаться в Москве для важной беседы с Брежневым.

10 сентября Брежнев принял Тараки и на встрече с алломбом зачитал

составленную КГБ записку, утверждённую совместно Андроповым, Устиновым и Громыко. В ней говорилось об опасениях советского руководства за состоянием дел в Афганистане, партии, руководстве. Главный пункт записки гласил: "Я не считал бы свой долг перед Вами, товарищ Тараки, выполненным, если бы не коснулся ещё одного вопроса, который вызывает особую озабоченность не только у советских товарищей, но, по имеющимся у нас данным, и в рядах партийного актива НДПА. В условиях афганской революции понятна Ваша, товарищ Тараки, особая роль как Генерального секретаря ЦК НДПА в руководстве деятельностью партии и государства. Однако сосредоточение чрезмерной власти в руках других лиц, даже Ваших ближайших помощников, может оказаться опасным для судеб революции. Вряд ли целесообразно, чтобы кто-то занимал исключительное положение в непосредственном руководстве страной, вооружёнными силами, органами государственной безопасности".

проверенная формула власти диктаторов!

Это прямое, неприкрытое, явное указание Тараки на устранение Амина. Тараки получил на руки режиссёрский замысел предстоящей постановки политической пьесы и благословение на его проведение в жизнь. На Амине решили отыграться, приписать ему все ошибки, просчёты, неудачи и преступления в проведении политики и военных действий.

Перед вылетом в Кабул Тараки встретился с Петровым А.В., у которого прежде находился на связи. После прихода Тараки^К власти работники резидентуры в шутку окрестили его на русский лад и называли Николаем Михайловичем Таракановым.

В кабульском аэропорту его встречало всё афганское руководство.

Тараки приступил к немедленным действиям в соответствии с наставлениями Брежнева. 11 сентября состоялось заседание Совета министров ДРА, на котором он сообщил о встрече с Брежневым, выразил глубокое удовлетворение от беседы с ним, однако утаил, разумеется, основной мотив беседы. Рассказал о работе в Гаване конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, о встречах и разговорах там.

В тот же день Тараки встретился с Пузановым.

События развивались с нарастающим напряжением.

О резком обострении взаимоотношений между Тараки и Амином поведали политбюро ЦК КПСС Пузанов, Иванов, Горелов. Они сообщили 13 сентября: "После возвращения Тараки в Кабул при встрече 12 сентября Амин доложил обстановку в стране и партии. Подчеркнул, что в отсутствие Тараки против него, Амина, была организована травля, инициаторами которой являются министр связи Гулябзой, начальник органов безопасности Сарвари, министр МВД Ватанджар и министр по делам границ Моздурьяр. Поставил вопрос об отстранении этих лиц с постов и наказании. Тараки пытался убедить Амина принять извинения указанных членов правительства и считать вопрос закрытым. Амин с этим не согласился. Тараки, видимо, заранее продумал это своё предложение, так^{как} он заслушал подробный доклад Сарвари о положении в руководстве ДРА. В докладе Сарвари упор сделал на то, что инициатором внутрипартийной борьбы является никто иной, как сам Амин.

13 сентября Тараки пригласил Амина для того, чтобы продолжить разговор о нормализации в руководстве. Амин, узнав, что на беседу приглашены вместе с ним Гулябзой, Ватанджар, Моздурьяр, категорически отказался. На Амина не повлияло даже то, что Тараки в разговоре по телефону пообещал снять всех его противников, а затем сказал, что готов уступить Амину пост Генерального секретаря ЦК НДПА. После разговора с Тараки Амин вызвал к себе, в премьер-министерство начальника национальной гвардии Джандада и начальника генерального штаба вооружённых сил Якуба и приказал им не выполнять никаких указаний, исходящих от Тараки. Амин заявил, что сам он переходит из премьер-министерства в министерство обороны, откуда будет осуществлять руководство всеми вооружёнными силами. Родственник Амина, заместитель министра иностранных дел, секретарь кабульского горкома НДПА А. Амин, постоянно находится в помещении горкома партии. Все сторонники Амина получили указание находиться на своих рабочих местах и поддерживать связь с Х. Амином и А. Амином. По состоянию на 19³⁰ 13.9 обстановка критическая. Не исключаем, что Х. Амин может поднять против Тараки верные ему воинские части. Обе группировки пытаются заручиться нашей поддержкой. Мы, со своей стороны, твёрдо проводим линию на то, чтобы обстановка в руководстве ДРА была нормализована на партийном, т.е. коллегиальном порядке. Одновременно пытаемся удерживать членов обеих группировок от непродуманных, поспешных действий".

В другой телеграмме на имя Андропова говорилось: "Тараки вновь пытался убедить Амина прибыть к нему в резиденцию, но тот отказался и заявил, что все его требования должны быть приняты, в противном случае угрожал перейти к активным действиям. Тараки охарактеризовал это как заговор. На этом переговоры прервались. 13 сентября в 19³⁰ в советское посольство прибыли Сарвари, Гулябзой, Ватанджар и Моздурьяр. Сарвари от имени Тараки обратился с просьбой выделить группу советских товарищей для содействия в проведении операции по аресту Амина. Эта просьба обусловлена тем, что в Народной гвардии есть сочувствующие Х. Амиру и на неё нельзя целиком положиться. В 21²⁰ начальник канцелярии Ревсовета Тарун сообщил советскому представителю по телефону, что Амин прибыл в резиденцию Тараки и ведёт с ним переговоры. Таруну было сказано в ответ, что в течение часа Тараки и Амина намерены посетить советский посол Пузанов, Павловский И.Г. и Иванов Б.С."

В очередной телеграмме на имя Брежнева, Андропова и других членов политбюро за подписью четвёрки /Пузанов, Павловский, Иванов, Горелов/ извещалось:

"13 сентября в 21⁰⁰ по московскому времени по поручению политбюро посетили Тараки в Доме народа в своей квартире. По нашей просьбе он пригласил Х. Амина, который тотчас же прибыл /был в соседней комнате/. Тараки и Амин внимательно выслушали заявление советского руководства, политбюро и лично товарища Брежнева Л.И. Тараки сказал: "Это очень интересное послание и естественно, что наши советские друзья и братья направили нам такое послание. Мы — за единство, но иногда возникают некоторые вопросы, которые надо решать. В эпоху революций такое бывает, но нынешняя проблема не является столь сложной. Благодарю советское руководство за послание, оно является весьма своевременным,

глубоким и ёмким, хотя и кратким. Кратким является и наш ответ, хотя по сути вопроса можно было бы сказать очень много".

Амин заявил, что он "полностью согласен со сказанным. Ещё при встрече с тов. Громыко весной 1978 года он, Х.Амин, говорил министру иностранных дел СССР, что товарищ Тараки является признанным руководителем, и Х.Амин имеет честь быть искренним последователем Тараки. И если ему, Х.Амину, придётся уйти из жизни раньше, чем Тараки, он уйдёт с сознанием исполненного долга. Если же своё служение Родине закончит Тараки он, Х.Амин, будучи искренним последователем Тараки, сделает всё для продолжения дела своего учителя".

В ходе дальнейшей беседы нами было подчеркнуто, что единство партии и руководства страной является главным залогом в достижении победы над врагами революции, в строительстве новой жизни. Согласившись с этим, Тараки сказал, что о необходимости единства в партии и руководстве ему очень убедительно говорил в беседе в Москве 10 сентября товарищ Брежнев Л.И. Затем Тараки попросил тов. Павловского рассказать о ходе военных операций "....."До нашего прихода, как нам стало известно, Х.Амин по своей инициативе пришёл к Тараки и у них, очевидно, произошла беседа и состоялись определённые договорённости".

Ночь с 13 на 14 сентября в резиденции Тараки прошла спокойно. До 1⁰⁰ 14 сентября /время местное/ Тараки и Амин находились в личных комнатах председателя Революционного совета, затем Амин уехал, как предполагает командир Народной гвардии Джандад, к себе на квартиру. По словам Джандада, в Народной гвардии, которая несёт охрану резиденции Тараки, повышенная боеготовность отменена утром 14 сентября, но увольнения личного состава в город не разрешено с 13 сентября. Тараки и Амин охраняются усиленными нарядами их личных телохранителей.

Находившиеся в совпосольстве с 19³⁰ до 23⁵⁵ 13 сентября министры не ночевали у себя на квартирах, хотя это им рекомендовал Тараки. Видимо, укрылись на коспиративных квартирах. Как показали события, имевшие место в ночь с 13 на 14 сентября, важную роль в примирении Тараки с Амином сыграло обращение к ним советского руководства, переданное Пузановым, Павловским, Ивановым. Об условиях достигнутого между ними пока неизвестно, однако можно сказать, что Амин не пошёл на крайние меры, так как убедился в отсутствии поддержки советской стороны любых действий, которые бы обострили положение в афганском руководстве и не содействовали сохранению единства НДПА. Как заявил Джандад, посещение Тараки и Амина советскими товарищами помогло снизить напряжённость между указанными руководителями".

14 сентября в 12³⁰ Иванов Б.С. и Богданов Л.П. навестили Амина по его приглашению в здании министерства обороны. Премьер-министр заявил: "13 сентября в 13³⁰ между Амином и Тараки обсуждался по телефону вопрос об обстановке сложившейся в афганском руководстве. Амин настаивал на снятии с постов министров и наказании их "за организацию заговора и фракционной антипартийной деятельности". Тараки выступил против этого и предложил назначить министром обороны Ватанджара, а Маздурьяра-министром МВД. Амин отверг это и якобы пот-

ребовал созыва пленума ЦК или чрезвычайного заседания Революционного совета Тараки заявил, что не намерен созывать органы, а будет действовать с полномочиями, которыми он уже облечён. Тараки обвинил Амина в неповиновении и грозил снять со всех постов. Вечером 13 сентября Амин приехал в резиденцию Тараки. Узнал, что Сарвари и другие укрылись в советском посольстве. Через начальника канцелярии Ревсовета Таруна Тараки связался по телефону с Ватанджаром и что-то ему сказал. Затем Амин по телефону заявил Ватанджару: "Что же вы сбежали? Прячетесь? А называли себя героями революции!".

В ответ на это Ватанджар ответил, что все четверо расценили беседу с Тараки и Амином в 13³⁰ как отказ премьера подчиниться председателю и сочли, что их жизнь в опасности.

Вечером и ночью с 13 на 14 до 1⁰⁰ Амин и Тараки обсуждали ситуацию и стремились найти компромиссное решение. Тараки был согласен отстранить Сарвари и Гулябзоя, но настаивал на новых назначениях для Ватанджара и Маздурьяра. Спорили кого назначить начальником АГСА, Тараки за начальника контрразведки А. Акбара, Амин за Таруна. Утром 14 сентября Амин продолжал /по телефону/ настаивать на смещении четверых, Тараки - назначении двоих, обвиняет Амина в неповиновении и вызывает к себе. В присутствии Иванова и Богданова Амин действительно долго беседовал с Тараки. Амин сказал, что Тараки потребовал прибыть к нему без оружия и без охраны. Из этих слов Амин сделал вывод, что его жизни угрожает реальная опасность. В связи с этим Амин обратился к Иванову и Богданову за советом как ему поступить и предложил рассмотреть следующие варианты.

Х. Амин поедет в резиденцию Тараки и погибает. Амин готов уйти со всех своих постов, покинуть страну / в частности, уехать в СССР / или застрелиться, если этого требуют, по мнению советских товарищей, интересы спасения революции. Амин изолирует Тараки в его резиденции и по советам советских товарищей будет предпринимать дальнейшие шаги по нормализации обстановки, издавая указы и распоряжения от имени Тараки.

Амин настойчиво доказывал, что он беспредельно предан СССР и КПСС и готов подчиниться воле советских товарищей. Он попросил, чтобы Пузанов, Павловский, Иванов, Горелов, Богданов обсудили выдвинутые им три варианта, посоветоваться с Москвой и дать ему ответ до 17⁰⁰ 14 сентября /т.е. до 15³⁰ московского времени/. Амин дал понять, что его примирение с Тарки возможно только в том случае, если председатель Революционного совета безоговорочно примет его условия.

Со своей стороны рекомендовали Амину прилагать усилия к нормализации положения в афганском руководстве и предотвращения дальнейшего обострения в соответствии с обращением советского руководства и лично товарища Брежнев Л.И."

14.9.в 17²⁰ от резидента в Кабуле в Москву поступила телеграмма следующего содержания:

"По данным, полученным в беседе наших работников с начальником Управления контрразведки АГСА Азизом Акбари, утром 14 сентября премьер-министр ДРА Х.

Х.Амин дал указание Азизу Акбари исполнять обязанности начальника Главного управления по защите интересов Афганистана /АГСА/. По указанию премьер-министра Азиз Акбари посетил позднее зам.министра иностранных дел Асадулла Амина с целью получения дальнейших распоряжений. Перед входом в здание МИД Азиз был тщательно обыскан и обезоружен. Асадулла Амин / близкий родственник Х. Амина / предложил Акбари выполнять свои обязанности и без разрешения не отлучаться из здания управления контрразведки. На вопрос может ли он встречаться с советскими товарищами, А.Амин заявил, что это необходимо делать, проводя в тоже время в беседах мысль о заговорческой деятельности группы Ватанджара-Гулябзоя, которая начала прибегать к террору и вынудила истинных членов НДПА перейти к решительным действиям.

Асадулла Амин и зам.министра внутренних дел Факир и другие близкие к премьер-министру лица осуществляют из МИДа связи с провинцией и отдают распоряжения губернаторам.

А.Акбари также подчеркнул, что, если не будут приняты срочные и решительные действия по сдерживанию Амина, то может начаться избиение целого ряда членов НДПА, а также будет осуществляться перестановка кадров в афганских спецорганах.

По указанию Амина происходили аресты политработников и командиров центрального корпуса, 4 и 15 танковых бригад, 190 артиллерийского полка, и назначение преданных Амину лиц".

Пузанов, Павловский, Иванов, Горелов в телеграмме в политбюро от 15 сентября освещали положение дел в Кабуле. "Вечером 14 сентября состоялась беседа с Амином, которая продолжалась 2,5 часа. Беседа проводилась в развитие и в полном соответствии с заявлением советского руководства, политбюро и Брежнев-а Л.И. Амин резко высказался против Тараки и обвинил его в покушениях на жизнь Амина, особенно когда он сегодня днём шёл в Дом народа на беседу с Тараки и с нами. Во время подъёма по лестнице в кабинет, где находился Тараки, охраной Тараки был убит главный адъютант председателя Революционного совета Тарун и охранник Х.Амина, сопровождавшие премьер-министра.

Положение к моменту беседы с Амином Хафизулла по существу совершил государственный переворот. Вечером объявлено о назначении новых лиц. В беседе Амин высказал-на пленуме ЦК Тараки, сославшись на плохое здоровье, должен добровольно отказаться от поста Генерального секретаря. При этом он останется председателем Революционного совета. С нашей стороны были высказаны решительные мотивированные возражения против отстранения Тараки. Однако Амин своё предложение упорно отстаивал, утверждая, что армия и партия не простят пролитой крови со стороны группы министров и попытки покушения со стороны Тараки.

Амин заявил, что завтра, 15.9., в стране состоится демонстрация против Тараки и офицеры требуют мести. Несмотря на нашу настойчивость и обстоятельную аргументацию, что Тараки следует остаться на посту генсека ЦК, Амина пока убедить не удалось. Амин дал понять, что если Тараки добровольно сложит с себя обязанности генсекретаря, то в этом случае Амин гарантирует ему безо-

пасность, почёт и работу председателя Революционного совета. На наши настоятельные предложения, чтобы не обострять обстановку — не организовывать демонстраций, не производить арестов, Амин пообещал пока этого не делать. Условились продолжить беседу с Амином утром 15.9."

15 сентября в 9⁰⁰ /местное время/ вновь назначенный начальник Главного управления защиты интересов Афганистана /АГСА/ Азиз Акбари срочно вызвал Богданова на встречу в АГСА и доверительно поведал о следующем. 13 и 14 сентября секретарь ЦК НДПА, премьер-министр Х.Амин фактически совершил государственный переворот и окончательно сосредоточил в своих руках руководство страной, партией, вооружёнными силами и органами безопасности. Генсек, председатель Ревсовета Тараки блокирован в своей резиденции войсками и Народной гвардией под командованием Джандада, который, как оказалось, является человеком Х.Амина. Тараки в ночь с 14 на 15 сентября лишён всякой связи с внешним миром.

Тараки в беседе с Акбари днём 14 сентября сказал:

— Я блокирован и бессилен что-либо предпринять. Единственным для меня спасением могло бы быть вмешательство Советского Союза, но, видимо, советские товарищи не спасут меня, так как им приходится учитывать реакцию со стороны США. Я честен перед партией и народом. Если не увижу больше тебя, сынок, прощай.

Из Москвы последовала незамедлительная реакция. Пузанову, Павловскому, Иванову, Горелову предписано /постановление ЦК КПСС № П 168/6 от 15.9.1979 года/ посетить Амина и высказать мнение и настоятельный совет советского руководства насчёт того, чтобы к Тараки, его родственникам и сторонникам не применялись никакие репрессивные меры и чтобы он не предавался осуждению.

16 сентября состоялся пленум ЦК НДПА, на котором Тараки был снят с поста генсека партии и на его место избран Амин. Пленум проходил в здании министерства обороны, рядом с кабинетом советских военных советников. Тотчас после завершения пленума Шах Вали зашёл в кабинет Павловского и Горелова и сообщил об освобождении на пленуме Тараки от всех занимаемых постов и избрании генсеком Амина. Решения пленума были приняты единогласно, присутствовало 26 из 31 членов.

Потом Павловского навестил сам Амин и объявил, что избран генсеком и что в 15⁰⁰ состоится заседание Ревсовета ДРА, на котором он, Амин, будет избран председателем высшего органа страны.

16 сентября министр иностранных дел Шах Вали пригласил посла Пузанова и официально огласил ему, что только что постановлением пленума ЦК НДПА Тараки снят с поста генсека, выведен из состава политбюро и ЦК и исключён из партии за "террористическую деятельность, выразившуюся в организации убийства шести человек и попытки убийства Х.Амина" и другие преступления. Генеральным секретарём избран Амин.

Те же события отражены в дневнике Пузанова от 19 сентября. Правда, дневниковая запись сделана не ^{по} горячим следам, а составлена в октябре месяце, то есть воспроизведена задним числом. Дневник составлял от имени посла I секретарь посольства Рюриков Д.Б., он же выступал в роли переводчика.

"13 сентября 1979 года по поручению центра советский посол, Павловский И.Г., Иванов Б.С., Горелов Л.Д. посетили Тараки на его квартире. По нашей просьбе Тараки пригласил Амина. Сказали, что советское руководство выражает надежду, что руководители Афганистана проявят высокое чувство ответственности перед революцией, должны сплотиться и действовать согласовано с позиций единства. Тараки благодарил. "Послание своевременное, глубокое, ёмкое, хотя и краткое. Мы за единство, но иногда возникают некоторые вопросы, которые надо решать".

Амин сказал: "Тараки является признанным руководителем, и Х.Амин имеет честь быть его последователем.... И если ему, Амину, придётся уйти из жизни раньше, чем Тараки, он уйдёт с сознанием исполненного долга. Если же своё служение родине закончит Тараки, он, Амин, будучи искренним последователем Тараки сделает всё для продолжения дела своего учителя".

"14 сентября те же лица встретились с Тараки в Доме народа, его резиденции. Сказали, что обстановка вновь обострилась, а обстановка требует единства в руководстве партией и государством. Тараки поблагодарил Брежнева Л.И. и других советских руководителей за заботу о судьбах афганской революции, но сказал о своих разногласиях с Амином.

-Тенденцию к концентрации власти в своих руках я замечал у Х.Амина давно, но не придавал ей особенного значения. Однако в последнее время эта тенденция приобрела опасный характер.

Амин неправильно воспринимал критику. Каждого, кто критиковал его, подвергал преследованиям вплоть до физического уничтожения. Амин преувеличивал свою роль в руководстве и осуществлении революции, пропагандировал и возвеличивал свою личность. При этом в правительстве он установил такую атмосферу, при которой министры боялись противоречить ему и высказываться свободно.

Повсюду, в партии и государстве, Амин насаждал своих родственников и дело дошло до того, что его племянник /А.Амин/ занимает 9 постов в государственных учреждениях и по партийной линии, и получается, что страной, как и во времена короля и Дауда, фактически правит одна семья".....

"В руководстве партией нужен подлинный лидер, а не человек с дубинкой".

"Перед отъездом в Гавану у меня мелькнуло сомнение-уж очень настойчиво Амин уговаривал ехать туда, всячески доказывал, что присутствовать на конференции должен глава государства. Я переборол все сомнения и в Гавану поехал. Сам он ехать в Гавану отказался. По возвращении из Гаваны начальник АГСА А.Сарвари сразу же информировал меня о трёх заговорах Х.Амина.

Заговоры эти удалось предотвратить, поскольку каждый раз Сарвари докладывал о заговорах Х.Амину, тот понимал, что дело срывается и давал своим людям указание прекратить заговорческую деятельность. Тем не менее, Амин доложил на заседании Совета министров, что обстановка спокойная, всё хорошо. Однако после заседания он пришёл отдельно ко мне /Тараки/ и потребовал или ареста четырёх министров /речь идёт о М.А.Ватанджаре, С.М.Гулябзое, Ш.Д.Моздурьяре, нач.АГСА А.Сарвари/ или срочного назначения их послами и скорейшей отправки из страны. Я решительно отказался и вновь призвал к примирению".

"Вчера, 13 сентября, Х.Амин вновь предъявил свои требования, разговор проходил в резком тоне. Я заявил ему, что не допущу репрессий в отношении товарищей. Сказал, что он вынуждает министров укрываться от преследования его людей" "Судя по всему Амин подготовил заговор. На мои слова о том, что Амин должен подчиниться моим приказам, т.к. он, Тараки, является главнокомандующим вооружёнными силами и председателем Ревсовета, Амин улыбнулся и сказал, что Тараки заблуждается, командует армией он, Амин. Действительно, Амин прибирает к рукам военное командование. При помощи своих людей в кабульском горкоме партии принимает дополнительные меры по установлению всестороннего контроля за городом. В такой обстановке нельзя исключить резкого столкновения. Я по-прежнему готов работать с Амином, при условии, если он откажется от своей политики репрессий".

Со своей стороны выразили мнение о том, что было бы целесообразно пригласить на сегодняшнюю встречу Амина, как это было сделано вчера. Тараки сразу же согласился с этим и позвонил Амину, пригласил его на беседу. Амин сказал, что охотно придёт.

Ожидая Амина, тов. Иванов Б.С. сказал, что упорно ходят слухи будто отдано приказание убить Амина при первом его появлении в Доме народа. Тараки сказал что это неправда.

Через несколько минут за дверью в кабинет Тараки раздались выстрелы из автоматов, а подошедший к окну тов. Горелов Л.Н. увидел бегущего Х.Амина около стены в парке резиденции.

Вошёл охранник Тараки и сказал, что по лестнице стали подниматься Амин и другие, впереди главный адъютант председателя Революционного совета С.Д. Тарун - сторонник Амина, адъютант Х.Амина Вазир. По словам охранника, С.Д. Тарун сказал, что охрана может уходить, она больше не нужна. Охранники сказали, что не уйдут, тогда Тарун якобы выстрелил в одного из них и тут же был ими убит, а второй нукер Амина Вазир был ранен.

Тараки позвонил Амину и сказал, что происшедшее результат недоразумения между охранниками. Нам же он сказал, положив трубку, что это провокация.

Высказали мнение о том, что в создавшейся обстановке нам следовало бы сейчас же посетить Амина, с чем Тараки полностью согласился. Из кабинета Тараки позвонили Амину и сказали, что все мы четверо хотели бы сейчас же посетить его. Амин сказал, что ждёт и будет рад встретиться.

На полу, перед сходом на лестничную клетку, лежал автомат, никого из охранников не было. Сойдя с лестницы увидели, что на площадке лежал убитый Тарун, получивший несколько пуль в голову и грудь. Шофёр ^{СОВ} Пбсла, который был возле автомашины, стоящей у ворот, через которые проходят в парк, чтобы затем попасть в резиденцию Тараки, сказал нам, что Тарун подошёл перед приездом автомашины с Амином, поздоровался. Как только приехал Амин, они вместе с ним 4-5 человек охраны Амина направились в парк, чтобы пройти к Тараки. Через несколько минут послышались выстрелы, затем подбежал Амин и охранники, с одним раненым охранником, сели в автомашины и уехали. Наружные охранники никаких выстрелов не производили.

Запись беседы с премьер-министром ДРА Амином 14 сентября 1979 года. После встречи с Тараки и происшедшей стрельбы сразу же посетили Амина в министерстве обороны. Выразили глубокое сожаление в связи с трагическим инцидентом в Доме народа и глубокое соболезнование в связи с гибелью Таруна, которого мы знали как большого друга Советского Союза. В это же время сравнительно близко раздался одиночный выстрел танковой пушки. Амин был возбуждён, но принял нас приветливо. Однако, поскольку всё время звонили телефоны, разговаривать было невозможно, поэтому условились встретиться через 2,5 часа, в 19³⁰.

Приехали в назначенное время. Амин рассказал об инциденте в Доме народа "Ещё утром, - сказал он, - Тараки приглашал прийти к нему, но без охраны. Я отказался. Затем, во второй половине дня, он позвонил снова и предложил прийти для беседы, сказав, что у него находятся советские товарищи. В сопровождении 6 охранников я на двух машинах прибыл в Дом народа. Двое из охраны встали у входа в резиденцию Тараки, остальные вместе со мной прошли в зал с бассейном и подошли к лестнице, чтобы подняться кверху. Впереди шёл Тарун, за ним адъютант Вазир, далее я сам. Когда Тарун вступил на площадку, с которой следовало подниматься по последнему маршу лестницы, раздалась автоматная очередь. Пригибаясь и прижимаясь к стене, я сбегал в нижний зал, выбежал в парк, потом вернулся помочь донести до машины раненого Вазира. Как нарочно, зажигание моей машины не включалось, тогда мы пересели в другую машину и уехали в министерство обороны.

Я уверен, что убить хотели меня. Но мне было произведено до этого более 100 выстрелов. Теперь вы сами увидели, чего хотел Тараки. Я знал, что на меня готовится покушение, ожидал этого ещё в аэропорту на встрече Тараки, прибывшего из Гаваны. Сегодня Тараки хотел убить меня. Очевидно, он не думал делать этого в присутствии советских товарищей, но скорее всего забыл отменить указание своим людям и те начали стрелять".

Вновь выразили глубокое сожаление в связи с инцидентом и сказали, что в нынешних условиях исключительно важно проявлять сдержанность и хладнокровие, не допускать расширения конфликта. Советские руководители настоятельно просили нас передать Тараки и Амину, что в нынешних сложных для революции условиях особо необходимо единство, а раскол в рядах партии и армии будет губителен для дела революции.

Амин сказал, что, очевидно, революция в Афганистане с помощью советских товарищей могла бы развиваться и без него. Но дело обстоит так, что сейчас команды Тараки не выполняются, а его, Амина, выполняются. Во всех дивизиях и корпусах команду я. Тараки хотел послать вчера вечером в министерство обороны своего человека, Ватанджара, но у него ничего не вышло. Тогда Ватанджар стал звонить по дивизиям и говорить командирам, чтобы те были готовы выступить с защитой революции и Тараки. Я дал указание для обеспечения безопасности и предотвращения выступлений танковых частей сместить командиров 4 и 15 танковых бригад. Тараки, узнав об этом, заявил по телефону, что я на это не имею права, на что я ответил, что министр обороны имеет полномочия

назначать и смещать офицеров в звании майора. Тараки сказал, что как главнокомандующий приказывает мне явиться в Дом народа, на что я подтвердил сказанное ему вчера: -командует не он, а я. Его приказов слушаться никто не будет, командиры слушаются только меня.

Далее Амин сказал, что будет созван пленум ЦК НДПА, который сместит Тараки с занимаемых постов, хотя Тараки будет противиться этому.

Сказали, что понимаем сложность положения. Однако, исходя из высших партийных и государственных интересов, было бы настоятельно необходимым выждать некоторое время, пока утихнут страсти. Советские руководители твёрдо считают, что во главе партии и государства должен находиться Тараки, точно также как и Амин должен сохранять свои посты. Существующее соотношение сил в руководстве предоставляет достаточно полномочий Амину и даёт ему самые широкие возможности для деятельности на благо революции, что нынешняя ситуация найдёт правильное, в высоком партийном и государственном духе, решение, руководители преодолеют разногласия и будут работать вместе, как и прежде, учитывая заявления Тараки и Амина. Если же Амин возмёт линию на отстранение Тараки, его не поймут.

Амин сказал, что он считает советских товарищей самыми ответственными людьми в Афганистане. Он готов на сто процентов принять любые советы советских друзей и попытаться проводить в жизнь, даже если они не отвечают его точки зрения, но при этом не может отвечать за результат. В данном случае можно предсказать. Партия знает, что в меня стреляли до 100 раз, знает, что убит Тарун, все знают о других жертвах террора Тараки. За два последних дня погибло 4 человека, моих любимых соратников, Наваб и Стан. Голь из АГСА, Сур Голь из министерства здравоохранения пропал без вести. Последние дни потрясли партию, товарищей в армии и возмущены и требуют мести за пролитую кровь. Поэтому, в ближайшие дни необходимо созвать пленум ЦК НДПА, на котором Тараки, сославшись на своё плохое здоровье, должен добровольно отказаться от поста генерального секретаря ЦК НДПА, при этом останется председателем Ревсовета ДРА. Уйдя добровольно, он обеспечит себе достойное положение, его по-прежнему будут называть великим вождём, основателем партии, будут приветствовать аплодисментами и криками "ура". Тараки узурпировал власть, не разрешал ему, Амину, вести заседания министров, возвеличивал свою личность, а под конец прибегнул к террору. Армия настроена очень решительно против Тараки и выступит против оставления его на посту генсека ЦК НДПА.

Вновь мотивировано и аргументировано выразили необходимость сохранения единства в руководстве, в том числе между Тараки и Амином.

Амин сказал, что он может попытаться предложить оставить Тараки на посту Генерального секретаря, но это вызовет огромное недовольство. Тут может быть кризис. Амин вновь резко высказался в адрес Тараки, говорил о его эгоизме, самовласти, деспотизме, использовании им партии в своих личных целях, в руководстве партией и государством Тараки установил атмосферу страха. Я сделал для него всё, а он отплатил мне цинизмом.

Затронули вопрос о переменах в правительстве, смещены Ватанджар, Гулябзои

Моздурьяр и назначены новые лица. Заметили, что в сообщении есть ссылка на утверждение этих перемещений Тараки. Амин сказал, что Тараки был против смещения названных лиц, тем не менее, было решено объявить об их смещении и назначении новых со ссылкой на Тараки, как это делалось ранее.

В заключении вновь решительно высказались о необходимости сохранения единства партии.

Амин сказал, что посоветуется ещё с товарищами, учитывая точку зрения советских друзей. Но он не уверен, что ему удастся что-то сделать. Он сказал также, что 15 сентября по Кабулу пройдут демонстрации против Тараки. Сказали, что, на наш взгляд, это будет крайне нежелательным актом, от которого следовало бы воздержаться. Амин обещал воздержаться от этого.

15 сентября 1979 года в 11 часов продолжили беседу с Амином. Высказали против предлагаемого смещения Тараки с поста Генерального секретаря, что скажется на судьбах революции. Амин заявил, что он хорошо понимает заинтересованность советских друзей о судьбах революции. Эта заинтересованность является бескорыстной и исходит из интересов афганского народа. Амин сказал, что важные для НДПА и страны советы и рекомендации политбюро ЦК КПСС, лично тов. Брежнева, тов. Пономарёва, советского посла и находящихся здесь советских товарищей Тараки игнорировал, для их претворения в жизнь мало что делалось. Он же Амин, после урегулирования нынешнего положения готов сделать всё для реализации данных советов и рекомендаций советских руководителей, что СССР ещё больше расширит политическую поддержку ДРА, углубит сотрудничество между вооружёнными силами двух стран. Амин заявил, что уход Тараки не нарушит единства в партии, а, наоборот, сплотит её. Оставление же Тараки на его постах сохранит двойственность и чревато новыми конфликтами.

На вопрос, что доложить политбюро ЦК КПСС Амин ответил, что на данный момент военные товарищи выступают за отстранение Тараки со всех занимаемых им постов. Только что состоялось заседание политбюро НДПА, на котором было так же решено, что в руководстве, не должно быть двух противостоящих сил. На наше напоминание о том, что ещё вчера вечером Амин говорил, что Тараки останется председателем Ревсовета, а сегодня уже заявляет о необходимости ухода Тараки со всех постов. Амин сказал, что за такое решение высказываются многие товарищи в армии и партии. Мы снова заявили о нецелесообразности таких поспешных изменений. Нельзя недооценивать политических последствий отстранения от руководства Тараки, которого вся страна знает как организатора и руководителя партии и революции. Могут возникнуть серьёзные настроения недоверия к партии и власти, партия не может сейчас позволить себе такие потрясения и что враги могут использовать раскол, сомнения в свою пользу. Ломка сознания, идеалов дело очень трудное, сложное, сопряжённое с возможными непредвиденными обстоятельствами.

Амин обещал ещё раз посоветоваться с членами политбюро и другими товарищами. Завтра, 16 сентября, будет созван пленум ЦК НДПА для обсуждения этого вопроса. Он, Амин, придерживается такого мнения, что уход Тараки со всех занимаемых им постов будет наилучшим путём решения проблемы и хотел бы надеяться

что советские товарищи поймут это правильно.

О Тараки Амин сообщил, что его резиденция усиленно охраняется и к нему никто не допускается. / Нам стало известно, что телефоны к нему отключены. Не было никакой возможности для встреч с Тараки /.

17 сентября 1979 года советский посол, Павловский, Иванов, Горелов посетили Амина и передали, что советские руководители поручили передать Амину поздравления в связи с избранием его на посты Генерального секретаря и председателя Революционного совета.

Амин поблагодарил и передал советским руководителям тёплые приветствия и наилучшие пожелания. По указанию центра сказали мнение и настоятельный совет советского руководства, чтобы к Тараки, его родственникам и сторонникам не применялись никакие репрессивные меры и чтобы Тарки не предавался осуждению

"-Посмотрим, получится ли это,-" сказал Амин. Спросили, как понимать эти слова. Амин ответил, что к мнению советского руководства он относится с уважением. Однако жаль, что советские товарищи не могли быть на вчерашнем пленуме ЦК и заседании Революционного совета, иначе они увидели бы как трудно было убедить членов ЦК и Ревсовета отказаться от требований строжайшего наказания Тараки. Только когда я сказал товарищам, что формулировку "удовлетворить просьбу об освобождении от занимаемых постов по болезни" могут поддерживать советские друзья, члены ЦК и Ревсовета, скрепя сердце, согласились с ней. / Разумеется, в беседах с Амином ничего подобного нами не говорилось. Мы настойчиво проводили линию на то, чтобы Тараки оставили генсеком и председателем Ревсовета /.

Сегодня Тараки и его семья под усиленной охраной будут препровождены к месту жительства, их дома также будут под усиленной охраной, чтобы на Тараки не совершили покушения, поскольку такая опасность существует - слишком велика ненависть к нему. Но тюремному заключению Тараки подвергаться не будет.

Амин говорил, что он будет работать в самом тесном контакте с советскими друзьями и будет принимать меры по устранению известных недостатков, по усовершенствованию стиля и методов работы. Надеется, что в области партийного сотрудничества советские друзья могут оказать ещё большую помощь по воспитанию членов партии в духе марксизма-ленинизма, чтобы в сознании их произошёл необратимый поворот, надеется на экономическую помощь Афганистану, в военной - советские товарищи помогут одержать новые победы над врагом, увеличение советников и политработников, укрепить органы госбезопасности".

Другой взгляд, иную окраску событиям в Доме народа давала афганская сторона, то есть сам Амин, о чём отчасти было изложено в заявлении зам. председателя СМ, министра иностранных дел Шах Вали на встрече с послами социалистических стран.

6 октября утром член политбюро Шах Вали пригласил в МИД послов соцстран и рассказал им о раскрытии заговора Тараки. В частности, он огласил: "14 сентября Тараки попросил Х.Амина прийти к нему, но товарищ Х.Амин был информирован, что, если он пойдёт к Тараки, там его убьют. Поэтому Х.Амин отказался пойти к Тараки. В тот же день в 5 часов вечера, когда советский посол

был у Тараки, он, Тараки, ещё раз попросил Х.Амина зайти к нему, и, находившийся у Тараки советский посол, по телефону также заверил Х.Амина, что с ним ничего не случится, если он придёт к Тараки. Х.Амин, однако, не согласился прийти к Тараки без охраны, хотя Тараки на этом очень настаивал. В конце концов Тараки согласился, чтобы Х.Амин пришёл к нему с охраной. Х.Амин пришёл в сопровождении охраны, трёх адъютантов.

Впереди шёл Тарун, за ним три человека охраны. Но при подходе к кабинету Тараки по ним открыли стрельбу охранники Тараки и смертельно ранили Таруна. Х.Амин успел уйти во двор, но во дворе его тоже обстреляли и только благодаря самоотверженности и находчивости его адъютантов — они увели его в укрытие, под стену — Амину удалось уйти живым. Всё это время советский посол оставался с Тараки в его кабинете".

Москва тут же была извещена о заявлении Шах Вали. Оттуда последовало указание встретиться с Амином, заявить протест на заявление Шах Вали и потребовать опровержения.

9 октября в 18⁰⁰ Пузанов, зам. министра обороны, генерал-армии Павловский, руководитель военных советников Горелов и руководитель представительства КГБ Богданов встретились с Амином.

Вот как описывает беседу с Амином представитель КГБ в сообщении начальнику ПГУ Крючкову.

"В ответ на представление по поводу провокационного заявления Шах Вали на встрече с послами социалистических стран Амин сказал, что он будет говорить не по протокольному, а как товарищ и брат, и ожидает того же от советских товарищей.

— Вот вы, — сказал он, — высказываете претензии, озабоченность, но разве не было возможности высказать всё раньше.

Мы неоднократно беседовали, но с вашей стороны ничего не было сказано по затронутым вопросам. То, что было сказано Шах Вали послам соцстран, сказано так потому, что именно в этом плане было откровенно информировано политбюро ЦК НДПА. Но друзья нам ничего не говорили, да и сейчас товарищи пришли только через 3-4 дня после того, как выступил Шах Вали.

Жаль, что это так. Возможно, советские товарищи подсказали бы нам, что говорить, как поступать".

После заявления советских представителей о том, как в действительности было, Х.Амин сказал:

— Я убеждён, что дело было не так.

От Тараки был звонок. Через переводчика советский посол сказал, что Х.Амин может приезжать к Тараки и что стрелять в Амина не будут. Х.Амин твёрдо уверен именно так и было сказано. Кроме того, в комнате вместе с Х.Амином были афганские товарищи, которые слышали как я разговаривал.

Конечно, теперь можно отрицать это. Я готов повиноваться советским товарищам. Мы всегда готовы принять их советы в вопросах дипломатии и международных отношений.

— Утром 14 сентября, — продолжал Амин, — я обрисовал обстановку товарищам Иванову Б.С. и Богданову Л.П. Говорил, что меня хотят убить.

К Тараки в тот день я приехал с охраной, настоял на этом, так как чувствовал опасность. Вы сами убедились, что это было не лишнее. Был и указанный звонок. И если товарищи, бывшие у Тараки не помнят, то переводчик должен помнить—это я с ним говорил по телефону до инцидента. Если сейчас переводчик не подтвердит этого, то по приезде в посольство наверняка расскажет, напомним как было дело. Во всяком случае, это моё твёрдое убеждение.

Может я ошибаюсь? Может моя ошибка наносит ущерб мировому коммунистическому движению? И если так считает политбюро ЦК КПСС, то я приму его советы, сделаю всё, как хотят советские товарищи.

Шах Вали ни в чём не виноват. Если мой доклад о событиях на политбюро ЦК НДПА и на пленуме ЦК НДПА был ошибкой, то вина лежит только на мне, так как я изложил события в соответствии с тем, в чём я убеждён. Но если мне суждено умереть, то я умру со спокойной совестью, ибо сделал то, что соответствует моему убеждению. Если советские товарищи пожелают, я могу созвать пленум ЦК НДПА, откажусь от поста генсека, пусть выберут другого.

Наверное ошибкой было то, что я доложил эту историю на политбюро и ЦК НДПА. Этого не надо было делать, хотя рассказал то, что действительно произошло. Советские товарищи имеют другую точку зрения. Что ж, я уважаю их понимание событий, их убеждение. Мы ценим советских друзей. В вопросах международных связей, иностранных дел готовы принять их советы о том, что говорить и чего не говорить. Что же касается того, как было дело, тут вины за собой не чувствую, я говорил только то, что переживал и в чём убеждён, и повторяю ещё раз Шах Вали же ни при чём.

На настояния советских представителей о том, что надо дать правильную картину происшедшего, Х.Амин сказал:

—Выходит то, чтобы я собрал своих товарищей и сказал им, что всё о чём они слышали не соответствует действительности?

Конечно, я глубоко уважаю советских товарищей. Готов сделать так. Но правильно ли это будет? Правильно ли будет отозвать назад разосланную в армию и партию брошюры "О покушении на Х.Амина со стороны Тараки и о провале этой попытки", в которой также в названном духе излагаются факты. Это будет нанести ущерб мне, как генеральному секретарю, ущерб всей партии.

—Если хотите,—продолжал Амин,—мы не будем больше говорить с кем-либо об этом. Мы чувствуем, что советские руководители обеспокоены. Мы не видим здесь каких-либо трудностей, хотя эта история не столь важна. В ней могут быть ошибки, непонимание. Я уверен в правильности своего убеждения, но в то же время я уважаю убеждения советских товарищей и предлагаю: если хотите, можете заявить о своей точке зрения, опровергнуть наши заявления относительно пребывания четырёх министров /Ватанджара, Гулябзоя, Маздурьяра, Сарвари—примечание наше/ в советском посольстве.

Х.Амин сказал, что он извиняется, если Шах Вали назвал не точную дату—не 13, а 14 сентября сего года и никаких претензий у него /Амина/ в этой связи нет.

На слова советских представителей о том, что заявления Шах Вали могут быть использованы врагами советско-афганской дружбы, Амин произнёс:

-Не бойтесь! Пусть люди из Вашингтона приезжают и убедятся, что никакого ущерба нашей дружбе они нанести не могут. Враги опечалены, у них нет никаких надежд. Я даю слово, что шаг за шагом мы идём по пути коммунизма. Не должно быть никакого беспокойства относительно дружбы и братства советских и афганских народов, партий коммунистов двух стран.

Амин сказал, что, пожалуй, не стоит раздувать вопрос о заявлении Шах Вали, расширять дискуссию, делать с афганской стороны какие-то опровержения. Если опровержения будут сделаны, то в ЦК НДПА и по всей стране это будет воспринято плохо. Скажут, что опровержения сделаны под давлением Советов. Скажите лучше сами о своей версии послам социалистических стран, мы возражать не будем. Или если с их стороны будут вопросы, отвечайте: -Спросите у Амина, он всё расскажет. Мы в свою очередь, будем придерживаться наших сообщений печати, но если начинать дело с опровержения, оно может зайти далеко. В нашей партии скажут, какой же ты генеральный секретарь, если идёшь на обман, и, кроме того, от своего убеждения я не отказываюсь, и вряд ли советские друзья хотели бы, чтобы я отказался от того, в чём убеждён. Это было бы не по-коммунистически. Но если нужно, я готов подчиниться и пойти против своего убеждения, хотя это будет означать идти против своей совести. Чтобы уничтожить такое моё убеждение надо чтобы я исчез, покончил жизнь самоубийством.

В заключение Амин сказал, что он готов сделать то, что скажут советские руководители, хотя и против своей воли. Однако было бы хорошо, если бы советские руководители были информированы о его, Амина, точке зрения и свои решения строили с учётом этого.

Следует отметить, что во время беседы Х.Амин не сообщил советским представителям о смерти Тараки, хотя официальное заявление на этот счёт уже было распространено афганским агентством Бахтар с пометкой "не публиковать до 20⁰⁰ 9 октября с.г."

В ходе беседы Х.Амин держался нагло, вызывающе. Иногда с трудом сдерживал ярость, перебивал советских представителей, не давал им спокойно изложить свою точку зрения. Вместе с тем, были моменты, когда он как бы спохватывался, давая, видимо, понять, что не намерен окончательно портить отношения. Беседа продолжалась около двух часов".

Из окружения Амина 13 октября поступило сообщение, в котором излагались события за 14 сентября во всех подробностях. Амин в своей среде вновь пересказывал свои заключения в тот памятный день.

С раздражением и злобой поносил Пузанова, обзывал его нецензурной бранью.

-Я понимаю-, говорил Амин, что было бы возможно и нужно опубликовать некоторые подробности об организованном заговоре и покушении на меня, не нанося ущерба престижу Советского Союза во имя дружбы с ним, что является нашей основной целью. Но когда посол Пузанов врёт мне в глаза и убеждает меня, что он, находясь с Тараки вместе с генералами Павловским, Гореловым и Ивановым, не приглашал меня через переводчика приехать к ним, я не могу не высказать прямо всё об этом человеке. Я с ним не желаю встречаться и разговаривать. Трудно понять, что такой лживый и бестактный человек так долго является у нас

послом. Мне неприятно, что советский посол /в этом месте Амин смачно выругался, старается изобразить события 14 сентября в другом свете и просит, чтобы я подтвердил неправду. Я этого никогда не сделаю! Именно поэтому я подсказал доктору Шах Вали /который не знает подробностей о покушении/ пригласить послов социалистических стран и рассказать им лишь некоторые моменты о покушении. Только товарищу Брежневу я могу рассказать ещё подробнее о причинах наших разногласий с Тараки, о всех деталях организованного заговора и о покушении. Я очень возмущён поведением Пузанова во всём этом деле."

Кроме выражения своего негодования, не исключено, что, отзываясь резко о Пузанове, Амин рассчитывал, что сработают уши и глаза КГБ вокруг и донесут до Москвы его мнение и та сделает правильные выводы. Так и случилось. Пузанов был заменён Табеевым, 1-м секретарём обкома партии Татарской АССР.

А вот выдержки из дневника Пузанова от 17 октября ^{по тому же вопросу.} Запись сделана Рюриковым Д.Б., он же был переводчиком.

"9 октября 1979 года советский посол, Павловский, Горелов, Богданов по указанию центра посетили Амина. Заявлено - в Москве вызвал крайнее недоумение тот факт, что член политбюро ЦК НДПА, министр иностранных дел ДРА Шах Вали в ходе встречи с послами социалистических стран в Кабуле, включая послов Югославии и КНДР, допустил высказывания, бросившие тень на советских представителей в Кабуле. Утверждается, будто советский посол, находясь 14 сентября у Тараки, в телефонном разговоре с Х.Амином, дескать гарантировал ему безопасность во время встречи с Тараки и советскими представителями. Но хорошо известно, что какого-либо телефонного разговора советского посла с Амином из резиденции Тарки вообще не имел места. Далее. Шах Вали в превратном свете изображён также эпизод с пребыванием в советском посольстве четырёх бывших министров. В действительности, они посетили посольство не 14 сентября, а 13 сентября, когда ещё почти ничего не было известно о разногласиях в руководстве НДПА. Амину должно быть понятно, что искажающие действительность высказывания Шах Вали не только не соответствуют духу товарищеских отношений, установленных между нашими партиями и странами, но неизбежно будут использованы противником во вред делу афганской революции, могут дать повод нашим недругам для дискредитации советско-афганских отношений.

Мы настаиваем, чтобы авторитетные афганские представители незамедлительно разъяснили послам соцстран истинный ход событий и исправили то превратное впечатление, которое не могло не сложиться у них в результате допущенных Шах Вали извращений.

Амин, выслушав, сказал, что будет говорить по-товарищески, по-братски, без протокола и ожидает того же от советских товарищей. Советские товарищи высказывают претензии, озабоченность, но разве не было возможности высказать всё раньше? Ведь мы неоднократно встречались, беседовали, но с советской стороны по затронутым вопросам ничего сказано не было. То, что было сказано Шах Вали послам социалистических стран, сказано так потому, что именно в этом плане им, Амином, было информировано политбюро ЦК НДПА. Но советские товарищи ранее ничего на не говорили, да и сейчас пришли только через 3-4 дня после того, как выступил Шах Вали. Жаль, что так произошло. Возможно, советские товарищи подсказали

бы нам что говорить, как поступать.

Подчеркнули, что никакого телефонного звонка до инцидента в резиденции Тараки с нашей стороны не было, совпосол разговаривал с Амином через переводчика сразу же после инцидента, когда советские представители решили незамедлительно посетить Амина и во избежание каких-либо сомнений у Амина сочли нужным переговорить лично.

-Я убеждён, что дело обстояло по-иному, сказал Амин.

Во всяком случае, моё впечатление о происшедшем таково. 14 сентября до инцидента от Тараки был звонок. Через переводчика совпосол сказал, что он, Х.Амин, может приезжать к Тараки и что стрелять в Х.Амина не будут. Я твёрдо уверен, что именно так было сказано. Кроме того, в комнате вместе со мной сидели афганские товарищи, которые слышали как я разговаривал. Конечно, теперь можно отрицать это. Я готов повиноваться советским товарищам. Мы всегда готовы принять их советы в вопросах дипломатии и международных отношений.

Павловский сказал, что здесь присутствую все те лица, за исключением Иванова Б.С., которые находились 14 сентября у Тараки. Все мы ещё раз подтверждаем, что никакого звонка совпосла до инцидента не было.

-Утром 14 сентября, - продолжал Амин, - я обрисовал обстановку тов. Иванову и Богданову. Говорил, что меня хотят убить. К Тараки я поехал с охраной. Я настаивал на этом, так как чувствовал опасность. Вы сами убедились, что предосторожность была не лишней. Я убеждён, что телефонный разговор был. И если товарищи, бывшие у Тараки, не помнят, то переводчик должен помнить, это я с ним разговаривал по телефону до инцидента. Если сейчас, здесь переводчик не подтвердит этого, то по приезде в посольство наверняка вспомнит и расскажет, как было дело. Во всяком случае, это моё твердое убеждение. Может быть, я ошибаюсь? Может быть, моя ошибка наносит ущерб мировому коммунистическому движению? Если так считает политбюро ЦК КПСС, то я приму его советы, сделаю всё так, как хотят советские товарищи.

Вновь изложили ход событий. Высказали понимание того, что, конечно, под воздействием нервного потрясения вполне возможно при подобных событиях, в памяти может произойти какие-то смещения событий. Но надо, чтобы искажения, допущенные Шах Вали, были исправлены.

Амин сказал, что Шах Вали ни в чём не виноват, он информировал послов соцстран так, как слышал о событиях на политбюро и ЦК НДПА, потому что политбюро и ЦК были информированы в таком плане им, Амином.

-Если мой доклад на политбюро и пленуме ЦК были ошибкой, то вина лежит только на мне, т.е. я изложил события в соответствии с тем, в чём убеждён. Но если мне суждено умереть, то я умру со спокойной совестью, ибо сделал то, что соответствует моему убеждению. Если советские товарищи пожелают, я могу созвать пленум ЦК, откажусь от поста генерального секретаря, пусть выберут другого.

Вновь повторили, что Шах Вали допустил искажение фактов и необходимо исправить.

-Наверное, - сказал Амин, - ошибкой было то, что я доложил эту историю поли^т

бюро и пленуму ЦК. Этого не надо было делать, хотя я рассказал то, что произошло. Советские товарищи имеют другую точку зрения. Что ж, я уважаю их понимание событий, их убеждения. Мы высоко ценим советских друзей, в вопросах международной политики и иностранных дел готовы принять их советы о том, что говорить, а чего не говорить. Что касается того, как было дело, то, повторяю, вины я за собой не чувствую, я говорил только то, что пережил и в чём убеждён. И повторяю Шах Вали тут ни при чём.

На наши настояния о том, что надо дать правильную оценку происшедшему Амин сказал:

-Вы хотите, чтобы я собрал своих товарищей и сказал, что всё, о чём они слышали, не соответствует действительности? Я глубоко уважаю советских товарищей и готов сделать так, как они говорят. Но правильно ли это будет?

Вновь требовали об исправлении искажения фактов Шах Вали. В дипломатическом корпусе уже идут разговоры, комментарии в связи с заявлением Шах Вали, информация нежелательная и несоответствующая действительности может дойти до западных журналистов, которые не упустят случая использовать её в своих целях." - Советские товарищи, - сказал Амин, - могут не опасаться, пусть люди из Вашингтона приезжают и убедятся, что никакого ущерба нашей дружбе они нанести не могут. Враги опечалены, что у них нет никаких надежд. Я даю слово, что шаг за шагом мы идём по пути строительства коммунизма. Не должно быть никакого беспокойства относительно дружбы и братства двух стран, советского и афганского народов, партий коммунистов двух стран."

Амин предложил сделать опровержение самим, а афганцы возражать не будут. Снова настаивали на исправлении. Амин сказал, что вынесет данный вопрос на заседание политбюро ЦК и о результатах будет доложено.

Всю беседу по вопросам заявления центра Амин проводил в возбуждённом состоянии, говорил на повышенных тонах. Прощаясь, он сказал:

- Возможно, в беседе я говорил слишком громко и быстро, но, знаете, я вырос в горной местности, а в горах у нас разговаривают именно так.

29 октября резидентура сообщала, что Амин проявил заметное беспокойство по поводу реакции руководства СССР на беседу министра иностранных дел Шах Вали с послами социалистических стран. Амин на встрече с советскими представителями от КГБ 15 октября высказал, что у него создалось впечатление, что "советские руководители обиделись на меня за характер беседы 9 октября с советским послом Пузановым, Павловским, Гореловым и Богдановым, когда я взял Шах Вали под защиту и принял всю вину на себя".

Амину было отвечено, что советское руководство не могло пройти мимо такого серьёзного факта, как имевшее место в выступлении Шах Вали попытки бросить тень на роль СССР и как-то связать советскую сторону с событиями 14 сентября сего года в Доме народов. Искажённое толкование роли советских представителей в упомянутых событиях содержится также в закрытом документе политбюро ЦК НДПА.

Со ссылкой на афганские источники резидентура отмечала, что на первых порах Амин сохранил доброжелательное отношение к СССР и КПСС, но одновременно он

активно пропагандирует свой тезис о равной ответственности афганских должностных лиц и советских советников за положение дел в стране.

Что же случилось с четырьмя министрами?

14 сентября в 8⁰⁰ на экстренную встречу был вызван оперработник Самунин /Маклой/, 3 секретарь посольства. Гулябзой, Ватанджар, Сарвари заявили, что Амин пытается применить к ним крайние меры и просили передать об этом советскому послу и Иванову Б.С. /Зорин/. В 11 часов состоялся короткий телефонный разговор между Ватанджаром и Тараки. В 14³⁰ трое министров тайком прибыли на автомашине на представительскую квартиру Самунина, расположенную в 700 метрах от здания советского посольства, открыли ворота, въехали в сад и укрыли машину в гараже. Об этом доме знал Гулябзой /"Мамад"/, с которым здесь в 1973-75 годах проводились встречи. По распоряжению Иванова и при согласии посла они были скрытно переведены на базу спецотряда "Зенит". Им изменили внешний облик, обрили усы, переодели в форму бойцов отряда, разместили на втором этаже виллы в отдельной комнате.

Амин утверждал, что Пузанов, Павловский, Иванов, Горелов участвовали в попытке заманить его в западню, террористический акт был подготовлен Тараки совместно с бандой четырёх и часть этой четвёрки находится под советским укрытием. Представительству КГБ предписано отрицать какую-либо осведомлённость о местонахождении этих лиц, принимались тщательные меры сохранить в секрете пребывание троих министров на вилле. "Посещение Ватанджаром, Гулябзой, Маздурьяром и Сарвари советского посольства 13 сентября в сочетании с последующим исчезновением трёх из них вызывает сильное беспокойство Х.Амина" - писала резидентура.

14 сентября Амин в разговоре с Пузановым, Павловским, Ивановым и Гореловым сказал, что решено отстранить от работы, как заговорщиков, этих министров и добавил, что Маздурьяр находится у себя дома, а вот остальные трое не укрываются ли в советском посольстве. Пузанов решительно отрицал.

В бумагах М.Дауда найден полный список военной организации НДПА, известный только Амину и Тараки. Сарвари заметил, что многие тайные члены НДПА из военных, которые представлены Амину как люди, готовых принять участие в революции, были либо подвергнуты репрессиям либо смещены с постов режимом Дауда. Тогда Сарвари в целях проверки Амина представил ему как активных коммунистов-революционеров членов военной организации парчам и вскоре эти люди были арестованы. Сарвари докладывал в письменной форме об этом Тараки.

Летом 1979 года Амин обсуждал с Сарвари об орга

низации террористического акта против членов политбюро ЦК НДПА Панджшири и К.Мисака.Сарвари разъяснил Амину, что убийство этих деятелей может вызвать нежелательные последствия в партии, и поэтому их лучше устранить, обвинив в тайных связях с руководителем националистической организации "Сетами Мелли" Бадахши, который находится под арестом и у которого под нажимом можно получить показания о связях с Д.Панджшири и К.Мисака с этой организацией. Это отсрочило гибель их. 4 сентября АГСА обнаружила 5 человек, которые готовили покушение на Тараки. Когда Сарвари доложил об этом Амину, тот дал указание арестовать террористов, но ни одного из них не оказалось на месте. О группе знал агент АГСА, Сарвари и Амин. Сарвари убежден, что группа подготовлена Амином и он успел предупредить террористов о готовящемся аресте.

Накануне прилёта Тараки в Афганистан из Гавны Амин беседовал с начальником радарно-технической службы ПВО и договорился с ним, чтобы тот организовал обстрел из зенитных орудий самолёт с Тараки. Об этом стало известно агенту и теракт был предотвращён.

У убитого во время покушения на Сарвари, сторонником Амина Наваба, в кармане найдено 650 американских долларов.

Амин вынуждал Сарвари передавать ему и его племяннику Ассадуле Амину часть денег, вырученных от продажи имущества, конфискованного АГСА у арестованных и их семей. Для реализации вещей и имущества в Кабуле открыт магазин, доходы от продажи забирает Амин. Отобранные у членов семьи известного афганского духовника Моджахеда ценности 4 миллиона афгани, 800 русских николаевских золотых монет, 12 коробок с женскими украшениями также попали к Амину. Всего Сарвари передал ему 300 миллионов афгани. Деньги эти Амин использовал на подкуп командиров воинских частей, полиции и других должностных лиц. Например, командиру ВВС Мухамед Назару Амин вручил 40 тысяч афгани, командиру транспортного полка ВВС Хамсе-25 тысяч афгани.

Ценности во дворцах короля Захир Шаха и Дауда также оказались в руках Амина и его родственников. Сын его в июне 1979 года тайно выезжал в Японию и приватил с собой 128 килограммов драгоценностей, принадлежавших королю и Дауду. Там сын встречался с высокопоставленными американцами и японцами.

Предоставленная СССР финансовая помощь для нужд афганских органов безопасности в размере 55 800 тысяч афгани использована по назначению лишь в сумме 25 800 тысяч, а остальные 30 миллионов положены в банк на личный счёт Амина. В откровенных беседах в близком окружении Амин постоянно высказывался высокомерно и иронически об СССР и его руководителях, использовал пропагандистский арсенал и лексику американцев. Всякий раз, когда СССР отводил обращение Тараки о посылке советских войск в Афганистан, Амина охватывала нескрываемая радость и не прятал её от ближайших сподвижников, так как понимал, что приход советских войск восприпятствует осуществлению его планов захвата власти.

Все трое министров обрисовали Амина как американского шпиона, провокатора террориста, авантюриста, расхитителя.

Сообщения министров последовали на самый кремлёвский верх, Брежневу, Андропову, Громыко, Суслову, Устинову, Черненко. Но к ним добавлено примечание представительства и резидентуры КГБ в Кабуле, в котором указывалось, что материалы

Сарвари, Ватанджара и Гулябзоя ранее не были известны, такие сведения поступают впервые, нуждаются в тщательной проверке, хотя сделать это трудно, так как указанные лица никаких прямых доказательств и тем более документальных представить не могут".

Всё трое находились в возбуждённом состоянии, озлоблены на Амина".

Разработана операция "Радуга" по нелегальному вывозу из Афганистана в СССР этих трёх министров. В основу положена легендированная замена личного состава отряда "Зенит", осуществляющего охрану советских зданий. Для изготовления документов в Москву сообщён словесный портрет беглецов.

18 сентября из Москвы в Баграм, авиабазу ВВС, самолётом ИЛ-76 вылетели 10 сотрудников отряда с имуществом — две крытые грузовые машины с грузом, часть которого оформлена дипломатическим багажом. На одной из машин размещены специальные контейнеры. Этим же самолётом летела оперативная группа в составе сотрудников Управления "С" ПУ Глотова В.С., старший группы, Талыбова М., переводчик, Зорина Н.С., специалист по документации, сотрудник 7 Управления КГБ Адрианов В.И., гримёр, с необходимыми аксессуарами, спешно доставленными из Берлина, три парика, предметы и средства по обработке волос головы, обеспечивающие растворы и кремы для изменения цвета волос с чёрного цвета на шатеновый, русский, каштановый. От Ферганы до Баграма самолёт сопровождался другим самолётом АН-12.

В резидентуре и Представительстве КГБ составлена оперативная группа из Бахтурина С.Г., Кабанова Б.Н., посвящённых в суть "Радуги", двух сотрудников Представительства Иванова Ю.Д. и Дадькина А.И., используемых "в тёмную" для охраны и сопровождения "Радуги" по пути следования из Кабула в Баграм. Им придавались 4 человека из кабульского отряда "Зенит" под командованием командира отряда Суркова Н.А. Непосредственное проведение операции возложено на Богданова Л.П., а руководитель операции Иванов Б.С. подключался к участию в зависимости от обстановки.

План проведения "Радуги" выглядел так. 1. Для встречи самолёта оперативная группа заблаговременно прибывает в Баграм /60 километров от Кабула/ автотранспортом: легковая машина, автобус посольства с оперативным водителем резидентуры и ГАЗ-69. По прибытии самолёта производится выгрузка людей и грузовой машины с оборудованием узла связи. По окончании разгрузки автоколонна начинает движение в Кабул, возглавляет колонну Кабанов. Иванов и Дадькин обеспечивают пропуск колонны на КПВ Баграм. 2. Автомашину с имуществом группы "Зенит" разгружается на вилле, потом производится погрузка "Радуги". До этого гримёр проводит необходимые манипуляции с Гулябзоем, Ватанджаром, Сарвари, придавая им необходимый вид. До боевой упаковки элементами "Радуги" в контейнер Сурков провёл репетицию с одним солдатом из отряда "Зенит". Контейнер "Радуги" и маскировка багажа погружается на автомашину. Потом автоколонна в составе машины Кабанова /возглавляет колонну/, грузовой машины с "Радугой", автобусом с отъезжающими бойцами отряда и ГАЗ-69 с группой прикрытия направляется в Баграм по разработанному маршруту, минуя усиленно охраняющуюся центральную часть Кабула.

При выезде из Кабула перед первым КПШ к автоколонне присоединяется машина с советским военным советником с базы ВВС Баграм для обеспечения беспрепятственного следования колонны через КПШ, расположенных на трассе движения. Проезд колонны через КПШ Баграм и её движения по территории аэродрома к месту стоянки самолёта ограждается Бахтуриным, Дадыкиным. Заранее через военного советника передана афганскому коменданту базы ВВС просьба советского посольства об оказании содействия в пропуске на территорию базы людей, вылетающих с Союз в связи с окончанием срока командировки и следующего с ними груза. 3. Машина с "Радугой" без выгрузки багажа помещается в самолёт, после чего производится посадка членов вылетающей группы "Зенит". 4. Бойцы "Зенит" имеют на руках советские служебные паспорта с оформленными "выезд-въезд" визами. Состав оперативников снабжён удостоверениями премьер-министра ДРА и дипломатическими карточками.

Размечен по минутам график движения по маршруту.

С учётом внешнего облика Сарвари для него подготовлен резидентурой контейнер со всем необходимым оборудованием, недостающие элементы упаковки поступили из центра. Он был снабжён 4 малогабаритными горноспасательными кислородными приборами со сроком действия 6 часов. Гулябзой и Ватанджар отдокументированы под бойцов отряда "Зенит" с советскими паспортами.

1 сентября операция "Радуга" после интенсивной работы по подготовке и проведения отвлекающих мер завершена, министры доставлены в Ташкент. За участие в этом деле многие ^{сотрудники} награждены и поощрены председателем КГБ.

Гостей разместили в отдельном двухэтажном особняке ЦК компартии Узбекистана по улице Луначарского, огороженном высоким забором. Помещение было оборудовано слуховым контролем, который длился с 19 сентября по 14 октября, разговоры записаны на 92 кассеты.

В Ташкент 19 сентября прилетели зам. начальника 8 отдела ПТУ полковник Ершов И.И., оперработник 3 отдела Управления "К" капитан Кухта Ю.Л., работавшие с ними в своё время в Кабуле, для проведения с министрами целенаправленных бесед. 25 сентября в Софию послан зам. нач. ПТУ Медяник Я.П. договориться с болгарами дать временный приют на конспиративной основе в Болгарии указанным афганцам. На возможный вопрос болгар почему афганцы не могут остаться в СССР сослаться на особые советско-афганские отношения; если поднимут вопрос о расходах на содержание, сказать, что готовы взять на себя все затраты. 27 сентября произошла встреча и беседа Медяника, представителя КГБ в Софии Савченко П.Т., его заместителя Пастухова Л.И.

Кабульцам предоставлялась специально оборудованная вилла в 100 км от Варны, в районе г. Шумена. Заготовленные КГБ ответы на возможные вопросы болгар оказались не нужными, болгары ничего не спрашивали.

14 октября на специальном самолёте ТУ-134 А бывшие министры в сопровождении Ершова и Кухты вылетели из Ташкента в Софию.

В заключение этой истории упомянем о следующем.

При осмотре автомашины Сарвари, на которой министры бежали на конспиративную квартиру КГБ в Кабуле, спасаясь от Амина, обнаружено 4 220 тысяч афгани и 53 950 американских долларов. Все трое отказались от денег, не признав их своими. Деньги оказались бесхозными. По мнению резидентуры эти деньги взял Сарвари из кассы АГСА.

Справедливо сказано—свой своего не познаша, вор кричит "держи вора"!

Доллары отосланы в Москву, а афгани оприходованы к смете расходов резидентуры на 1979 год.

Кстати, смета кабульской резидентуры составляла в 1978 году 111,6 тысяч инвалютных рублей, в 1979 году—115,6 тысяч, в 1980—126 тысяч, без учёта ассигнований расходов Представительства КГБ, линий Н, НТР, 16 и 19 отделов, приобретение новых и замена старых автомашин.